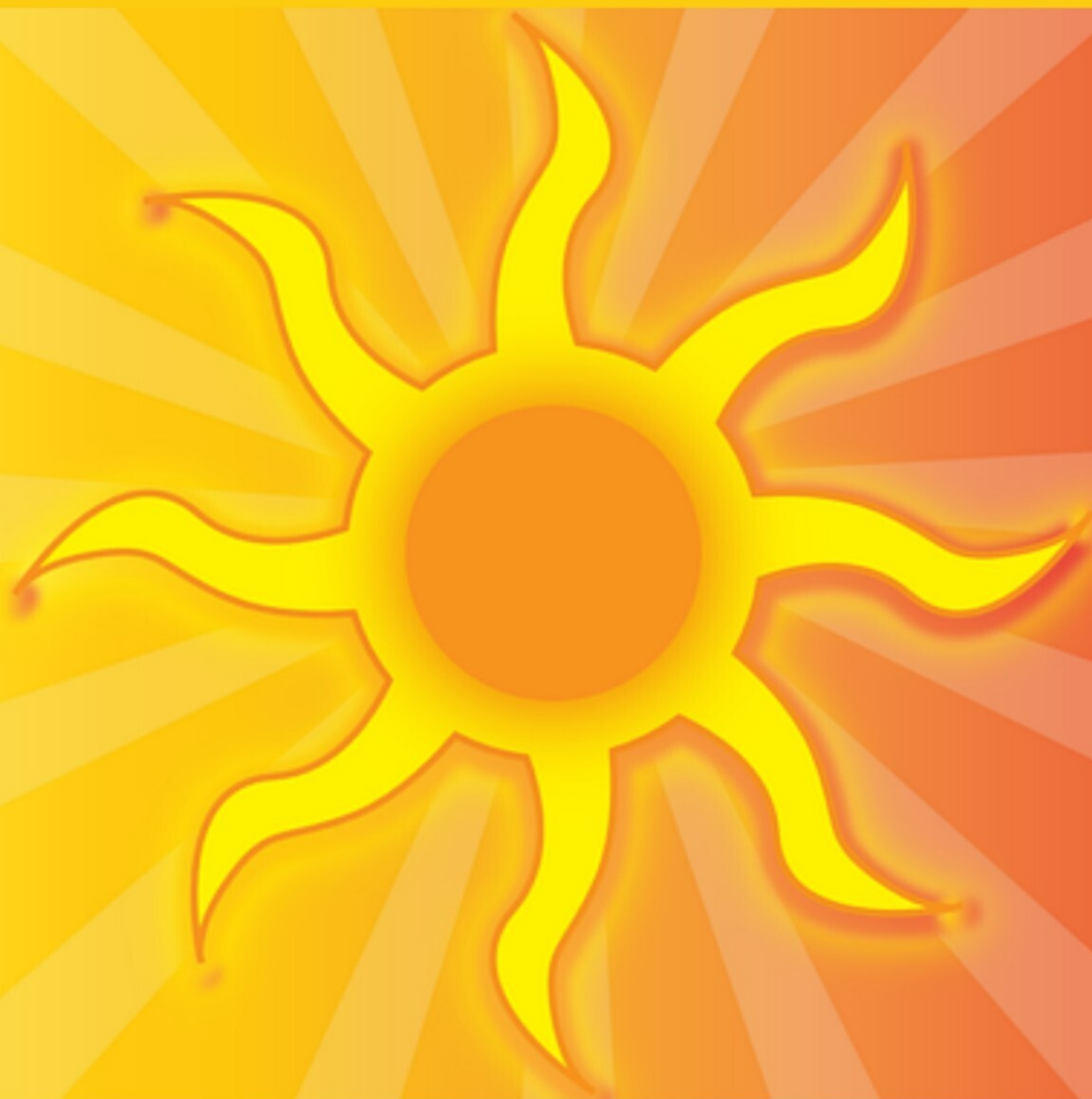

**Елена Александровна
Асеева**

Путь Святозара

Том первый

Елена Асеева

Путь Святозара. Том первый

«Автор»

2011

Асеева Е. А.

Путь Святозара. Том первый / Е. А. Асеева — «Автор», 2011

В волшебной стране Восурия, где легко встретить древних духов, волшебных животных, дивных существ и даже Богов живет юноша Керк (в дальнейшем нареченный Святозар), обладающий магическими способностями. Керк - Святозар пройдет трудный и опасный путь познания собственных душевных и физических сил и овладеет таящимися внутри него знаниями, и все это ради того, чтобы победить подлого колдуна и вурколака, каковой желает уничтожить и самого юношу, и его семью, и народ, и страну.

© Асеева Е. А., 2011

© Автор, 2011

"Мы стояли на месте своем
И с врагами бились сурово,
И когда мы пали со славою,
То пошли сюда..."
" Велесова книга"

Предисловие

Высоко в небесной голубой дали летала маленькая, невзрачная, серая птичка – жаворонок и пела чудесную песню, возвещающую приход весны, тепла и мира! А под ее пение по широкой восурской земле шли, любуясь ее красотами, вольным и трудолюбивым народом, Боги Восурии супруги ДажьБог и Жива. Они осыпали свой народ благословлением, а их поля – зеленью наливающихся злаков, их луга – волшебной пестротой цветов, их леса – крепкими стволами и густой листвой. Они шли, смеясь и наслаждаясь любовью и теплом, ярким весенним солнцем, чистым голубым небом и хрустальными водами: ключами, родниками, ручьями, реками и озерами. ДажьБог, отец и прародитель восурского люда, держал под руку молодую, красивую супругу Богиню весны и возрождения всего сущего Живу.

И страна, что лежала перед ними, была также величественна и прекрасна. На севере Восурия омывалась Северным морем и Белым океаном и граничила с кочевым народом лонгилов. Восточная часть страны оканчивалась Арапайскими горами и Восточным морем. На юге страны жили извечные враги Восурии, когда-то могущественный, а ныне вымирающий народ неллов и кочевые племена нагаков, земли которых делило Южное море да Ултакские горы. Западная часть страны соседничала с единоверным и дружественным народом игников. Восуры были славным, могучим и вольным народом, каковым издревле управляли мудрые правители и такие же мудрые и великие Боги: Сварог, Семаргл, Перун, Велес, Хорс, ДажьБог, Коляда, Лада, Макошь, Среча, Дива– Додола, Жива.

В этот год страной управлял правитель Ярил прозванный народом Щедрый, сын Лучезара по реклу Благородный, потомок великого ведуна Богомудра. Ярил, как и его отец, и дед, был доблестен и великодушен. Восуры, прозвали его Щедрым, еще наверно и, потому что во время праздников в честь славных Богов Восурии Ярил никогда не скупился, угощая свой народ. У Ярила рос сын Эрих, которому скоро должно было исполниться пятнадцать лет, сын Тур, которому едва минуло девять лет, и пятилетняя дочь Малуша. Все, что нужно для счастья человеку и правителю: любящая жена – Дола, дети, прекрасная, богатая страна и довольный своей судьбой народ. Но печаль не сходила с лица Ярила. Вот уже много лет, как он безуспешно пытался разыскать еще одного своего сына. Тогда, пятнадцать лет назад, судьба послала Ярилу по реклу Щедрый, радостное событие – на свет появилось два сына: Керк и Эрих.

Но лишь только минуло Керку девять дней, как он был похищен неизвестными людьми. Все те, кто приглядывал за Эрихом и Керком, были опрошены, но мальчика и след простыл. Боясь за судьбу Эриха, Ярил отослал всех, кто непосредственно общался с его сыновьями. Он предпринял все возможные поиски, чтобы отыскать Керка, но пока результатов не было. Время шло и казалось – мальчик потерян навсегда. Но Ярил знал и верил, сын непременно найдется, ведь у него, как и у всех первенцев правителей Восурии была отличительная черта – на левой ручке, около указательного пальчика малышу, будущему правителю, ставилась печать. Она была большой, в виде восьмиугольного золотого поля. Печать обладала необычной, волшебной силой, о которой знали только приближенные к правителю люди.

Глава первая

Солнце уже взошло. Оно выкатилось на весеннее небо и своим теплом озарило прекрасную землю, засеянные поля, длинные и чистые реки, уютные и теплые деревни. Люди деревень,

как всегда, поднялись рано, управились по хозяйству, выгнали скотину пастись. Мужчины и женщины принялись за свои повседневные, хлопотные дела.

А дворец правителя все еще находился в дреме. По коридорам плавно скользили слуги, на кухне уже начали готовить завтрак. Но в опочивальнях правителей и детей, царила тишина и покой, там все еще спали. И это потому, что правитель Ярил, по реклу Щедрый, уже десятый день как отсутствовал во дворце, а его семья позволяла себе нарушить строгие традиции.

Но сон, столь мирный и затяжной, был внезапно прерван. Правитель Ярил, оставив своих дружинников за дверьми дворца, ворвался в общую залу, где издавна проводились пиры и громко закричал так, что голос его наполнил каждый угол этого великолепного жилища:

– Дола, Эрих, дети! Где вы? У меня прекрасные вести! Вы слышите? Дола, Эрих!

Правитель Ярил был всегда спокойным и сдержанным человеком, но в этот раз неудержимая радость и счастье выплескивались из него. Его супруга – Дола под стать правителю настоящая владычица, высокая, с белокурыми волосами, прекрасными небесно-голубыми глазами женщина уже входила в общий зал:

– Ярил, что случилось? Какая-то беда, ты напугаешь детей.

Старый слуга Сенич, принявший от правителя хлыст, низко поклонился правительнице и двинулся из зала.

– Сенич, пошли слуг к Малуше и Туру. И позови Эриха, – прокричал вслед Ярил, затем он приблизился к супруге, приобнял ее и любовно подхватив на руки, закружил по залу.

– Ярил, Ярил, что случилось? – смеясь, спросила Дола, и улыбка озарила ее нежное лицо.

– Ого! Что с тобой отец? – удивленно хмыкнув, поинтересовался Эрих только, что вошедший в зал сквозь дверной проем, створки коего были широко распахнуты. Юноша удивленно оглядел сияющих родителей и словно недовольный струящейся от них радостью, презрительно скривил свои тонкие, бледно-красноватые губы.

– Эрих, у меня прекрасная новость! – немного смущаясь и опуская на пол жену, ответил отец. – Да, да сынок прекрасная новость, но где же Тур и Малуша? – нетерпеливо выкрикнул он, точно желая докричаться до детей, и взволнованно повел плечами.

Однако правитель зря тревожился, потому как мгновение спустя в залу уже вбегали младшие его дети: сын и дочь. И крепыш Тур увидев отца, на ходу восторженно заговорил:

– Здравствуй, отец! Что случилось, меня разбудили, не дав даже досмотреть прекрасный сон, а в этом сне ...

– Подожди, подожди Тур... о своем сне ты расскажешь нам после, – перебил его отец. – Сейчас моя новость, – сказал торжественно Ярил, и оглядел притихших и замерших на месте детей и жену. – Наконец-то после стольких лет поисков, я нашел вашего брата и нашего сына!

– Что? – покачнувшись, спросила правительница, и ее лицо побледнело. – Что ты сказал?

Ярил бережно поддержал под руку любимую жену, заглянул ей в лицо и повторил, но уже обращаясь лишь к ней:

– Я нашел нашего сына – Керка.

В зале наступила тишина. Только слышно было, что где-то по коридору неспешно прошел слуга. Первыми на эту новость откликнулись младшие дети – Тур и Малуша. Они обрадовано заголосили: «Брат, брат, нашелся братик!». А маленькая Малуша даже подпрыгнула от радости.

Но Эриха и мать эта весть словно не обрадовала. Эрих стоял, насупив брови, и нервно покусывал губы. Вообще этот молодой юноша, так мало похожий на своих высоких, крепких и прекрасных ликом предков, был слишком худ, не высок ростом, с тонкими чертами лица. Его белокурые волосы, беспорядочно лежали на голове, голубые, с какими-то черными брызгами внутри очи, про кои восуры говорили – худой, недобрый газ, внушали неприязнь. Можно было бы назвать его похожим на мать, но в его лице не хватало ее миловидности и красоты, и поэтому оно выглядело не привлекательно и даже отталкивающе.

Однако больше всего была испуганна, да именно испуганна, правительница Дола, она вдруг нервно прикрикнула на радостно расшалившихся младших детей, чего никогда раньше не делала. Тур и Малуша сразу примолкли и удивленно уставились на мать.

– Что с тобой, Дола? – коротко спросил правитель, исподволь наблюдая за всем, что происходит в семье. – Ты что не рада моим словам, или ты не рада, что мы нашли Керка?

– О нет, Ярил... Просто... просто я очень взволнована. Как ты его нашел? И ты уверен, уверен, что это наш сын? – дрожащим голосом сказала правительница.

– Ну, насчет того, что это наш сын можешь не сомневаться. Ты же знаешь, у него есть заметное отличие от всех мальчиков его возраста, такое же, как и у Эриха. Ну, а как я его нашел, это очень долгий сказ, и думается мне, расскажу я его тебе потом, позже, – протянув последнее слово, произнес правитель.

– Ярил, и еще один вопрос, – повелительница на миг замолчала, и, справившись со своим волнением, чуть тише добавила, – а ты нашел тех, кто стоит за похищение Керка?

Правитель внимательно посмотрел на жену, его лицо встрепелось, каждая жилочка, мышца обидчиво затрепетали на нем и он нехотя ответил:

– Пока мы знаем только тех людей, у которых он все это время жил, но кто его украл и зачем неизвестно. Однако я уверен, я найду этих людей и во всем разберусь, – последние слова он изрек весьма резко отчего правительница, не сводящая с него глаз тяжело покачнулась, а бледность вновь густым полотном окутало ее щеки. Правитель немного помолчал, и не менее резким, раздраженным голосом, договорил, – странно, что тебя волнует именно этот вопрос, а не сам сын, Дола. Интересно, почему ты не спросишь как он, что с ним, где все это время жил. Странно?! Ты меня удивляешь, Дола. Что с тобой?

Но повелительница молчала, верно, не зная, как и, что ответить, она лишь лихорадочно покусывала свои ярко-алые губы, однако в разговор правителей внезапно вмешался Эрих и злобно выкрикнул:

– Забыть? Да разве можно забыть любимого, дорогого сыночка Керка! Ведь его имя не сходит с уст твоих, отец.

И снова в зале или, как еще величали это помещение, гриднице на некоторое время наступила тишина, а младшие дети от удивления раскрыли рты, услышав словесный выпад Эриха.

– Эрих, что я слышу! – отец перевел взгляд с лица жены на старшего сына, и спокойным, ровным голосом спросил, – может, ты завидуешь судьбе своего брата или хотел бы с ним поменяться местом?

– Я не о том, отец..., – раздраженно откликнулся Эрих, и судорожно передернул худощавыми руками, оные от того движения закачались взад-вперед, будто плети.

– Ну, раз не о том, тогда думай, что говоришь. Плох тот восур, который сначала говорит, а потом думает. Помни это, – строго заметил Ярил.

Эрих умолк, снедаемый страхом, злобой и возмущением. Он вдруг гулко и яростно топнул ногой по полу, да минуя стоящих посредине гридницы родителей, побежал сквозь зал к двери, что вела в Славный коридор. Эрих быстро преодолел путь до нее и схватившись за ручку порывисто рванул дверь на себя, а выскочив из гридницы, не менее громко захлопнул ее за собой. Правитель хотел было что-то крикнуть вслед удаляющемуся сыну, но махнул рукой, и, повернувшись к жене, сказал:

– Дола, через несколько дней Керк приедет домой. Прошу тебя, проследи, чтобы ему подготовили комнату рядом с комнатой Эриха, – правительница пыталась было, что-то вставить, но Ярил остановил ее жестом. – Я надеюсь, ты помнишь, что наследник престола еще не выбран. И кто им станет решать мне, а до тех пор и Эрих, и Керк будут иметь равные возможности... Тем более Керк все это время жил вне семьи... бедный мой мальчик..., – он устало повел плечами и добавил, – а теперь я пойду отдохнуть. Увидимся за обедом.

Правитель медленной походкой направился через зал к распахнутой двери, что уводила его в коридор, к опочивальням, на ходу нежно потрепав по голове притихшего младшего сына и улыбнувшись Малуше. После ухода из gridsницы мужа, Дола нервически выдохнула и оглянулась на дверь, за которой скрылся старший сын. Она какое-то время стояла на месте, точно справлялась со своими растрепанными чувствами, а после неторопливо подошла к маленькой дочери и взяв ее за руку, направилась следом за правителем.

Теперь в зале остался один Тур. Мальчик, на глазах какового только, что развернулась непонятная для него ссора обдумывал, что же ему предпринять: то ли бежать за отцом и все... все у него узнать о брате Керке, то ли последовать за рассерженной матерью и Малушей. Наконец, он принял решение и вышел в ту дверь, в которую до этого выскочил Эрих.

Дверь вела в длинный коридор, называемый Славным, по одной стороне коего висели в полный рост живописные изображения его дедов и прадедов – великих правителей Восурии. А другая сторона стены имела большие окна, и через них прекрасно просматривалась «чистая» роща с дорожками для гуляния. Тур пошел по коридору, всматриваясь в образы правителей. Он, как и его отец, был очень похож на них обликом, характером и рос крепким, сильным мальчиком. Темноволосый и зеленоглазый, как его отец, как все из его рода. Тур смотрел на своих предков и думал о своем найденном брате Керке. Какой он, на кого похож: на мать или отца?

Неожиданно до его слуха долетал шум, доносившийся со стороны рощи, остановившись, мальчик поспешно развернулся и уставился в окно. Сквозь прочное стекло, Тур увидел своего старшего брата Эриха, который что-то ожесточенно топтал в цветнике. Малец подошел ближе к окну, прижался лбом к еще прохладному, гладкому стеклу и стал смотреть на брата. Эрих явно был не в себе. Он махал руками, неразборчиво кричал и яростно вытапывал цветы, которые незадолго до этого посадил их садовник Орех. Однако Тура не удивило поведение брата, он знал, Эриху многое прощается и разрешается, и это не потому что отец мягок, а потому что мать всегда его защищает. Вот и сейчас по дорожке к брату бежал его слуга Нук. Он подскочил вплотную к Эриху, схватил того за шиворот и хорошенько потряхнул, да неразборчиво прикрикнул. И брат немедленно присмирел, да было видно, как сказал что-то в ответ, но толстые стекла не дали Туру возможность разобрать их разговор. Нук же тем временем, резко развернулся и махнув рукой, пошел в сторону сада, а присмиревший, будто придавленный чем-то тяжелым Эрих, понуро опустив голову, побрел следом.

«Наверное, на Ратный двор», – предположил Тур, и, постояв маленько, обдумывая свой дальнейший путь, двинулся по коридору в сторону выхода. Он был только девятилетним мальчиком и потому быстро забыл о том, что давеча видел, представив себя сильнейшим воином – ратником из великой дружины отца, да выхватив прямо из воздуха мгновенно начертавшийся там воображаемый меч и, каждый миг убивая и будучи убитым, отправился к двери, ведущей в «чистую» рощу.

Глава вторая

Керк ехал в рыдване – повозке с крытым верхом. Путь был дальним. Вот уже десятые сутки он находился в дороге, редкие остановки, чтобы поесть и пройтись, и опять в путь. Воины, которые сопровождали его, хотя и были предупредительны, глядели на него ласково и радостно, но все время поторапливали и он, с детства привыкший слушать старших, подчинялся.

Шел пятнадцатый день, как его жизнь резко изменилась. До этого он жил спокойно и благополучно. Керк был сыном рыбака, во всяком случае, считал себя сыном рыбака. Честно трудился, вставая рано утром, выходя вместе с дядей в море. После смерти родителей он жил с дядей Веселином и тетей Жданой на берегу Северного моря. У дяди и тети было еще трое ребятишек – два брата: Сем и Лель и сестра Желя. Братья были ровесники. Сему пятнадцать,

Лелю четырнадцать, а сестре едва пошел третий год. Керк с самого детства был очень близок с братьями, и проводил все свое время с ними. Выход в море, игры, драки – всего было поровну, всем одинаково доставалось от дяди и тети, которые надо отдать им должное, любили и наказывали, ни кого не выделяя.

А пятнадцать дней назад к ним в деревню явились воины правителя, вызвали всех ребят от четырнадцати до семнадцати лет и стали проверять руки. У Керка на левой руке, подле указательного пальца, находилась небольшая печать в виде восьмиугольного знака. Как только воины правителя увидели эту печать на руке юноши, то сразу приклонили головы, а лица их радостно засияли улыбками. Керка в тот же день забрали из дома и увезли в небольшой дворец воеводы, что приказывал в городе Святограде, где он и прожил пять дней. Первый раз в жизни он так много ел и так много спал, и хотя учтивость к нему чувствовалось во всем, но объяснений никаких не следовало. Устав от однообразной и тоскливой жизни, юноша решил бежать домой. Для этого он поднялся на утренней зорьке, и, открыв окно, уже было хотел спрыгнуть вниз, благо до земли не далеко, когда в дверь его комнаты внезапно постучали. И вошедшие воины правителя, которые увозили его из дома, предложили ему ехать с ними.

Керк хотел возмутиться и потребовать, чтобы его вернули домой, но удержался... что-то подсказывало ему, надо обязательно поехать с этими людьми. И так как юноша привык доверять своим ощущениям, которые ни разу еще в жизни его не подводили, он подчинился воинам правителя.

И вот теперь трясся в рыдване, правда надо отдать должное, в нем было очень тепло, мягко и уютно. Но Керк, привыкший жить вольной жизнью, когда не всегда ему удавалось дойти до дома, и уставший от дневных трудов, он засыпал на берегу моря около рыбацких лодок, не очень дорожил, выпавшим на него, благополучием.

Всю дорогу он терялся в догадках: куда и зачем его везут, почему эти люди так почтительны с ним. А на все его вопросы отвечают очень уклончиво, вроде того, что скоро он все поймет сам. Ко всему прочему ему еще доставляло неудобство одежда, в которую его нарядили. Дома он ходил в легких длинных штанах, подпоясанных на талии, в рубахе, да иногда одевал чекмень – бурый, широкий и короткополый кафтан с перехватом. Сейчас же его так вырядили: в долгополый с запахом синий кафтан, в шелковую, белую рубаху, штаны и подпоясали кожаным поясом, который все время давил на живот. На ноги ему надели черные кожаные сапоги (дома обувались лишь в случае необходимости), посему теперь эти сапоги с высоким голенищем, плотно удерживающие щиколотку, доставляли ему страшное неудобство. Первое время он стойчески переносил свои страдания, но потом начал снимать их в пути и одевал, только когда надо было выходить на двор. Еще ему очень хотелось снять такой тугий кафтан и шелковую рубаху, которая столь неприятно струилась по телу, но глядя на воинов, сопровождающих его, Керк пересиливал это желание.

Наконец, вдалеке, он увидел прекрасный город. В месте, где сливаются реки Бурная и Спокойная, на возвышении величественно красовался большой престольный город Славград, окруженный крепостными стенами с круглыми башнями. Ниже по склону в долине, называемой Речной ветер, расположились три деревни. Дорога пролегла как раз через одну из них. Процессия, сопровождающая его, выглядела довольно внушительно. Впереди ехали воины на лошадях, они же следовали подле рыдвана по бокам и сзади него. Уютные, деревянные дома напомнили юноше о родных. Керк в окно рыдвана видел, как со дворов выходили люди: женщины и мужчины. Многие кланялись проезжающим или радостно махали руками. Процессия въехала на возвышение, и тогда он смог лучше рассмотреть крепостные стены, окружающие город. Крепость выглядела укрепленной твердыней, об этом говорили не только гигантские башни, но и крепкие ворота из твердого дерева, обитые железом, и охраняемые воинами правителя. Рыдван беспрепятственно въехал в город, так как ворота были открыты, а воины приветственно склонили свои головы.

Проехав по одной из извилистых улочек, где по правую и левую стороны размещались вельможные дома, избы и разные лавки, рыдван остановился на небольшой солнечной площади. Подбежавший слуга открыл дверцу, и Керк, наконец-то, оказался на свободе. Он выскочил из рыдвана и первое, что увидел – огромный дворец, чем-то напоминающий древнего витязя.

Дворец представлял собой прямоугольное здание, столь внушительного вида, что сердце юноши застучало от восторга. Около дверей, распахнутых настежь, выстроились слуги, при виде Керка, они приклонили головы, то же самое сделали воины, сопровождавшие его в пути. И тогда он увидел высокого, статного мужчину, торопливо выходящего из дверей дворца. Мужчина был очень красив, темные, словно каштан, волнистые волосы, прямой нос, большой высокий лоб и тонко очерченные алые губы. Керк посмотрел ему в лицо и поразился, как сильно он похож на этого человека. К лицу прихлынула кровь, и одна за другой побежали мысли. А мужчина тем временем подошел ближе, раскрыл свои объятия и, ухватив юношу за плечи, крепко накрепко прижал к себе.

– Сын мой, Керк! – только и смог произнести он. – Наконец-то ты дома, – он отодвинул юношу от себя, посмотрел ему в лицо, улыбнулся. – И, конечно же, как все первенцы похож на своего отца.

Керк был потрясен словами мужчины. Он взгляделся в его лицо и понял, что этот человек – правитель Восурии. И еще ему показалось, что он его отец.

– Ваша светлость, – только и смог пролепетать юноша, пытаясь, высвободиться из объятий.

– Нет, нет, мой мальчик, мой сын, мой наследник. Я тебе не светлость, я твой отец, – все еще крепко держа его за плечи, сказал правитель.

– Но, как это может быть, ведь я простой рыбак, мой отец умер, – взволновано начал Керк.

– Тебя обманули, ты не рыбак, а наследник престола страны Восуров, – гневно заметил правитель и нахмурил свой большой лоб. – Я объясню тебе все позже. А сейчас давай пойдем в наш дворец, я познакомлю тебя с матерью, братьями и сестрой.... – И выпустив его плечи из крепкой хватки, ласково протянул, – сын мой, мой мальчик.

Ошарашенный происходящим Керк медленно двинулся вслед за правителем, думая, что все это ему лишь снится, и пытаясь пробудиться, порывисто встряхнув головой, сомкнул очи, да пребольно ущипнул себя за руку. Отец, задорно засмеялся, и, потрепав сына по мягким каштановым волосам, спросил:

– Ты, по-видимому, думаешь, что спишь?

– Если честно, да. Я думаю, что все еще сплю, – поспешно ответил Керк, и, открыв глаза, воззрился на правителя. Да немного погодя взволнованным голосом поинтересовался, – скажите, ваша светлость, с чего вы решили, что я ваш сын?

Правитель остановил свою поступь недалеко от парадных дверей дворца, и, раскрыв левую руку, показал ладонь замершему рядом Керку. И юноша узрел на ее покрытой тонкими нитями и складочками поверхности печать, точно такую же, как и у него, в виде восьмиугольного знака.

– Мальчик мой, ты видишь эту печать? У тебя такая же, – принялся пояснять Ярил. – Эту печать я поставил на девятый день твоего рождения, – он взял сжатую в кулак руку сына, и, выпрямив все пальцы на ней, нежно погладил печать на его ладони. – Теперь ты видишь, мы с тобой из одного рода, из одной семьи, из правителей славной Восурии. На этом свете такая печать стоит только у трех людей: у меня, тебя и твоего брата Эриха, – отец смолк и муторно вздохнув, посмотрел на Керка, да ласково похлопав его по спине. – Ну, а теперь пока отложим этот разговор и пойдем. Ведь тебя ждут родные.

Правитель приобнял сына за плечи и повлек за собой. Они вошли через проем распахнутых настежь двухстворчатых дверей в громадный коридор и, пройдя немного, повернув налево,

вступили в гридницу. Когда Керк вошел в зал, его поразило это впечатляющее помещение, стены которого были украшены искусной мозаикой, из мелких цветных камней и стекол. В правую стену были встроены два огромных камина, с выкованными резными дверцами. С левой стороны зала в ряд стояли широкие прямоугольные столы и лавки, а на стене разместились пять квадратных окон с овальным полукругом наверху. В первый момент, пораженный красотой этого зала, юноша даже не обратил внимания на людей, находящихся в нем. Но отец не давал времени очнуться, и, подведя его к высокой, красивой, белокурой женщине, сказал:

– Это твоя мать – Дола, сын мой, – да несильно подтолкнул его в объятия правительницы.

Но если отец обнимал Керка с нежностью и любовью, то объятия матери были, лишь сухой вежливостью, юноша это сразу понял... понял и почувствовал, какую-то непонятную тревогу, исходящую от ее вздрогнувшего тела. Он был почти одного роста с ней, и когда мать перестав его прижимать к себе, выпустила из объятий, да с любопытством заглянула ему в лицо, он увидел ее яркие голубые глаза, такие же как и у него.

– Надо же, Ярил! – сказала через мгновение она. – У него мои глаза.

– Да, я это заметил, Дола, но похож он на меня, – и правитель довольно засмеялся.

Мать же отстранив от себя Керка, раздосадованным голосом, как ему показалось, молвила:

– Познакомься со своими братьями, это Эрих, младший – Тур. А это Малуша – твоя сестра.

Керк оглянулся и только теперь смог разглядеть всех членов своей семьи. Тур и Малуша при том движении уже кинулись обниматься. И юноша заметил, что Тур – очень похож на отца – правителя, а Малуша – на мать. Когда объятия с младшими закончились, Керк повернул голову к Эриху. И точно так же как от матери, почувствовал от брата исходящую, словно парящую в воздухе неприязнь. Эта неприязнь была во всем: во взгляде, в движениях и, особенно, в объятиях. И если мать, хотя бы себя сдерживала себя и выглядела, как бы любящей и внимательной, то Эрих напротив, слишком сухо обнял Керка, и очень болезненно огрел его ладонью по спине. С самого малолетства привыкший ощущать отношение к себе людей, их любовь и неприязнь, Керк был потрясен таким холодным, чуждым, равнодушным поведением к нему матери и брата... особенно матери. Он внимательно всмотрелся в лицо Эриха и увидел в нем черты матери, но если мать была красавицей, то брат напротив, казался каким-то неказистым, вызывающим гнетущее чувство от собственной неприглядности.

Керк перевел взгляд на отца и узрел, как тот пристально наблюдает за поведением брата. И этот взгляд, и поведение матери и брата – все вдруг смутило его. Юноша опустил голову, и ему вдруг так захотелось вернуться домой... домой... туда на берег моря, к родным, к братьям, которые по-настоящему могут любить.

– Ну, что, сын мой? – очнулся, от затянувшихся приветствий, отец. – Я думаю, ты устал с дороги, тебе надо потрапезничать, помыться и отдохнуть.

Керк хотел было отнекаться, но Ярил знаком руки остановил его:

– Сынок, у нас с тобой много времени, ты вернулся домой, поэтому мы обо всем успеем поговорить. А теперь ты отдохнешь. – Он подошел к сыну и еще раз крепко обнял его. – Сенич, – обратился он к слуге, который все то время спокойно стоял около дверей. – Будь добр, проводи моего сына к нему в опочивальню, он должен отдохнуть.

При первых же словах Сенич, не высокого роста, плотный старец, с седыми волосами, и такими же седыми бородой и усами, да добрым лицом, на котором светились светло-карие глаза, подошел к юноше, ласково улыбнулся и показал рукой направление, куда надо идти. Уже выходя из зала, Керк обернулся. Он увидел, как отец взял на руки Малушу и закружил ее по залу. А мать подошла к Эриху и крепко обняла того. Но больше всего Керка потряс взгляд Эриха, лишь на мгновение он посмотрел прямо в глаза брату и прочитал в них нестерпимую, жгучую ненависть.

Глава третья

На следующий день Керк проснулся поздно. Некоторое время он лежал с закрытыми глазами, вспоминая все пережитое за вчерашний день. Мысль о том, что он возможно будущий правитель не очень его радовала, потому как еще вчера пришло понимание того, сколько сразу ответственности свалилось на него. Ведь он рос в море, учился ставить сети и рыбачить, солить рыбу, это он перенимал от дяди Веселина все пятнадцать лет и это он умел делать. Но нынче, когда жизнь так резко изменилась, он был потрясен тем, что на него навалилось и слегка напуган. Неизвестно сколько бы времени продолжались его думы, если бы они вдруг не были прерваны тихим покашливанием и кряхтением.

От неожиданности Керк подскочил на ложе и открыл глаза. Прямо перед ним поместился маленький старичок, словно поленце, весь покрытый седенькой шерстью, с длинной бородой и усами, чертами лица весьма напоминающий отца правителя. Только и то самое лицо, и махонькие ладошки были у него волосатые. Обряженный в красную рубаху и красные штаны, подпоясанный на талии цветастым плетеным пояском, да с красными сапожками на ногах, старичок, сжимая в руках высокую лохматую шапку, смотрелся весьма живописным. Лишь только Керк открыв глаза, сел на своем ложе, старичок тихонько сказал, точно пропыхтел:

– Кхе, кхе... здравствуй, хозяин! Гляжу я, ты меня увидел.

– Да, – немного помедлив, ответил юноша. – Конечно, я тебя вижу, почтенный доброжил, – и низко поклонился старичку.

– О, будущий правитель, не стоит тебе опускать так низко голову. Тебе это не пристало делать, – прокряхтел старичок – доброжил и показал довольную улыбку. – Но все-таки приятно, что ты так почтителен со мной.

– Конечно, доброжил, ведь ты – хранитель домашнего очага, незримый помощник хозяев, как же можно быть непочтительным к тебе. Но ты пришел ко мне не просто так, тебе что-то надо, скажи, и если будет возможным, я выполню твою просьбу, – поспешил молвить Керк.

– Да, ты настоящий правитель, вернее будущий правитель. А просьбы у меня никакой нет. Я просто пришел познакомиться с тобой и посмотреть, видишь ли ты меня, – погладив свою длинную в завитках бороду, пояснил старичок.

– Конечно, вижу, – заметил Керк, и, широко улыбнулся. – И только не обижайся, но ты не первый доброжил, которого я вижу. Я и сам всегда удивлялся, почему я вижу духов, а другие нет. Но с вашим воинством я уже давно знаком.

– И это понятно почему. Разве ты не знаешь, почему нас видишь? – спросил доброжил, у изумленного юноши. – Кхе, кхе, конечно не знаешь. Ты думаешь, мне стоит тебе об этом рассказать, – и старичок еще пристальней посмотрел на него.

Керка распирало от любопытства, но, с детства воспитанный в уважении к духам, охраняющим дома, постройки, дворы, реки, моря, леса и поля, он взял себя в руки и с должным почтением, растягивая слова, произнес:

– Дедушка домовый – доброжил, открой мне свою тайну, поведай все, что ведаешь, – и вновь склонил перед духом голову.

Старичок был потрясен, проявленным к нему вниманием, и негромко кашлянув, начал свой сказ:

– Давным-давнешенько жил один ведун, звали его Богомудр. Владел он великими знаниями. Умел говорить с самим ДажьБогом Перуновичем и Духами, с живыми и мертвыми, с птицами и животными. Много добрых дел совершил он для людей, потому-то всесильный ДажьБог дюже любил его. Когда же пришло время Богомудру отправится в Ирий-сад, то порешил он выпросить у ДажьБога великой милости, а именно оставить потомкам в наследство знания, каковые накопил за свою долгую жизнь. Однако Небесный Владыка Божьего Царства Сварог, отец Громовержца Перуна и дед ДажьБога побоялся, что дети Богомудра не станут

подобными своему отцу и посему разрешил оставить им лишь кроху его знаний, да, и, то, только первенцу. С тех пор первый ребенок мужского пола, наследует крупинки знаний ведуна Богомудра, – закончил доброжил, и, помолчав, потер волосатой ладошкой свой маленький нос, да пристально воззрился на Керка.

– Так, что я и есть потомок Богомудра? – спросил юноша.

– Кхе, кхе... Смышлен, ничего не скажешь. Ты и есть потомок Богомудра. От этого и печать на руке у тебя стоит. Хотя твоя мать и пыталась отнять у тебя первородство, – пояснил домовый, а Керк услышав такое, вытаращил глаза и легошенько подался вперед, приблизив свое лицо к доброжилу. – А..., – продолжил, как ни в чем не бывало старичок. – Ты не знаешь и про то... тебе наверно еще не рассказали, а может и совсем, не расскажут.... Не расскажут, что когда ты родился, мать твоя решила передать первородство твоему брату. И еще до того, как вас увидел отец, переложил Эриха, второго сына, в твою люльку, сделав его первым. Все первенцы, которые рождались в вашем роду на протяжении веков, были похожи на Богомудра и прадед, и дед, и отец твой. Когда Ярил узрел брата твоего, выданного за первенца, не поверил тому, что Эрих родился первым, но мать твоя настаивала, и бабки-повитухи тоже кивали головой. А на девятый день, как положено по обычаю, правитель наложил печать Эриху на указательный палец, в этот момент на него должен был сойти столп света, но сияние не сошло. Отец твой был так ошарашен, точно испуган... Он, было, подумал, что сын его лишился дара Богомудра. Но после наложил печать на твою руку, и немедля на тебя сошел столп света... Сошел, указав на тебя, как на первенца и наследника. Ярил весьма рассердился на Долу, и стал ее упрекать в подмене, однако мать твоя твердила, что не виновна в том... и верно то бабки-повитухи напутали... кхе... кхе..., – ворчливо закричал доброжил и сердито качнул головой. – Но что толку, ведь у твоего отца теперь стало вроде как два наследника. Эхе, хе.

– И что теперь? Разве это так важно, что у престола два наследника? – осведомился Керк, и пожал плечами.

– Что, ты! Конечно, это важно, ведь очень плохо, что вас двое, – недовольно поморщив свое волосатое личико, откликнулся старичок. – Теперь вы как бы оба имеете право на престол, имея знак первенца на руке. Но у Эриха нет магических способностей, а у тебя есть.

– Но если Эрих более достоин сидеть на престоле, так тому и быть, – спокойно отметил Керк и гордо тряхнул головой, отчего заколыхались, пошли малыми волнами его выющиеся волосы. – Тем более я столько времени отсутствовал и вряд ли смогу быть правителем – подобным отцу.

– Смотрю я на тебя, – молвил доброжил и тягостно вздохнул так, будто тащил на себе мешок камней. – И понимаю, какое зло совершила твоя мать, переменяв вас.

– Погоди, ты же сказал, что виноваты бабки-повитухи, а мать не причем, – переспросил Керк.

– В том-то и дело, что причем. Она свалила вину на повитух, а виновата была сама. Отец твой очень любит ее, вот ей и верил всегда... Всегда... Но, я, то знаю, кто виноват. Когда все это произошло, я видел, как она заплатила повитухам золотом за обман. И отцу твоему я об этом сказывал...сказывал... А он, ослепленный любовью, ничего не слышал и обидел меня. С тех пор я к нему не прихожу, за домом слежу плохо и матери твоей волосы ночами путаю.... Однако на тебя я захотел посмотреть... брат твой Эрих – плохой, злой и думает только о власти. А ты, я гляжу, уважительный, – доброжил смолк, а маленько погодя добавил, – да ты настоящий потомок Богомудра. Ага, – снова наморщив личико так, что оно покрылось тонкими бороздочками и складочками, да склонивши на бок голову, точно прислушиваясь, произнес дух, – слышу я, к тебе кто-то идет... А, да то слуга твой – Борщ, кстати замечу, хороший он паренек... Ну, ладно, я ухожу, до скорого, – живо закончил свою реченку дух и в мгновение ока исчез с ложа.

– Спасибо, – только и успел проронить Керк, не сводя взора с того места где дотоль находился доброжил.

Юноша неспешно прилег на ложе и попытался обдумать все, что услышал от духа. Однако в это время в дверь неожиданно гулко постучали. Решив притвориться почивающим, Керк закрыл глаза и затаился. Впрочем, после непродолжительного стука, дверь открылась, и слуга Борщ без приглашения вошел в опочивальню. Он некоторое время топтался у двери, переступая там с ноги на ногу и чуть слышно пыхтя, словно никак не мог отдышаться от скорого подъема по ступеням лестницы, а немного погодя подал голос, принявшись неуверенно будить сына правителя:

– Ваша милость, проснитесь. Ваш отец хочет с вами поговорить.

Керк глубоко вздохнул, и, открыв глаза, сделал вид, что только миг назад пробудился. Он раскинул в разные стороны руки, и лениво потянувшись, все поколь сонным голосом спросил:

– Ты что-то сказал?

Слуга дюже обрадовался столь быстрому подъёму да тотчас торопливо затараторил:

– Ах, ваша милость, как хорошо, что вы проснулись, а то ваш отец, любимый наш правитель, уже раз пять о вас спрашивали: «Ну что же, Борщ, поднялся сын мой или нет», – переходя с высокого голоса на более низкий, судя по всему, подражая Ярилу, стрекотал слуга. – «Почивает, ваша светлость, – отвечаю я. – Ну пусть, пусть отдохнет, но как только проснется, приведи его ко мне». Уж вы простите, ваша милость, но его светлость очень хочет вас видеть. Потому только я и посмел вас разбудить, а так, конечно, спите, отдыхайте... мне не жалко.

Керк слушая болтовню Борща, между тем уже поднялся с ложа и теперь умывался в тазу. Слуга услужливо поливал на голову и шею из ковша и, не переставая, пояснял:

– Его светлость с утра на ногах, он всегда рано встает и рано поднимает ваших братьев – его милость Эриха и Тура.... Вас же уже познакомили с ними. Его милость Тур очень смелый и храбрый мальчик, такой уважительный, никогда от него грубого слова не услышишь, ни то, что его милость Эрих, – сказал Борщ, поперхнулся и примолк.

Керк отнял от лица полотенце, взглянул в испуганное лицо слуги, и немедля вспомнил слова доброжила: «Хороший он паренек». Борщ, откровенно говоря, имел доброе и честное лицо. Чуть пониже, чем Керк, ростом, но такого, же крепкого телосложения, со светлыми, как ковыль волосами и серыми глазами. Лишь взглянув в лицо слуги, в его чистые серые глаза Керк сразу понял, что Борщ всегда озвучивает вслух все свои мысли и за эти тары-бары также часто получает. Вот и теперь чувствуя, что сболтнул лишнее и, не ведая, как поведет себя сын правителя, он даже слегка приклонил голову. Да тока Керк, выросший среди простых людей, а потому умеющий ценить честность и прямоту, обращаясь к слуге, осведомился:

– Значит, мой брат Эрих груб и неуважителен?

– Ну, не то, чтобы груб... – промямлил слуга, и отвел глаза в сторону.

– Да ладно, Борщ. Я такой же, как ты, простой юноша и вырос на берегу моря. А о людях сужу по их человеческим качествам, – без ложной скромности заметил Керк.

– Зачем вы так о себе говорите, ваша милость! Какой же вы простой человек? – Борщ посмотрел с восхищением на Керка и подал ему голубую рубаху. – Я думаю, что вы наш будущий правитель. И хотя вы выросли на берегу моря, все равно по крови и достоинству, в вас сразу виден ваш отец – наш правитель.

Керк надел рубаху, а когда Борщ подал ему голубой терлик, длиннополый кафтан, с перехватом и короткими рукавами, недовольно оглядел поданную одежду, подумав о том, что может не стоит в него, и вовсе облачаться. Однако бросив взгляд на восхищенное лицо слуги, решил смириться со своей участью и натянул терлик на себя. Борщ торопливо протянул руку пытаясь застегнуть застёжки на кафтане. Да только Керк покачав головой и отстранив от себя слугу, изрек:

– Не переживай, Борщ, я сам привык одеваться.

– Да, я это вижу, – ответил слуга, да поспешил вон из опочивальни.

Керк было собрался идти следом, однако также стремительно вернувшийся в помещение Борщ принес поднос еды, и, поставив его на стол, пригласил сына правителя трапезничать. И хотя Керку не терпелось поговорить с отцом, он все же задержался (ощущая внутри живота тянущее состояние и бурчливое брюзжание) да уложил допрежь того покушать. Еда была легкая и вкусная: вареные яйца, белый хлеб, который он ел дома только по праздникам, масло, сыр из творога со сметаной и, конечно, кувшин молока. Налив в чашу молока, Керк взял кусок хлеба с сыром и по-быстрому запихал все это в рот.

А Борщ, в то время застилающий ложе, поглядывая на сына правителя, с удовольствием дожевывающего еду, едва слышно засмеялся. Порывисто оглянувшись, Керк увидел еле сдерживающегося, чтоб не брызнуть сильнее, задорно зыркающего на него слугу, каковой глубоко вздохнув и тем самым подавив смех, пояснил:

– Ах, ваша милость, ну и едите же вы, куда же вы так торопитесь? Нешто еду у вас отберут.

– Я всегда быстро ем, – озадаченно откликнулся Керк, и на миг перестал жевать, от смущения покрывшись пунцовыми пятнами. – А что, тут так не принято есть?

– Не-а, так не принято, – глубокомысленно заявил Борщ, все еще посмеиваясь, и упер руки в бока. – Правители едят медлительно... потихоньку и помаленьку.

– Эх, беда с этими правителями, – сам переходя на смех, сказал Керк. – Придется всему по-новому учиться. Но я уже позавтракал и готов идти.

И без задержку Керк направился к двери, а открыв ее, вышел в коридор и остановился, поджидая Борща. Слуга немедля выскочил следом за сыном правителя, на ходу просяще обронив:

– Ваша милость, двери то должен я открывать.

– А это зачем? У меня, что рук нет? – раздосадованным голосом спросил Керк.

– Ну, как зачем? Так положено.... Ваша милость, прошу вас, а то мне сызнава влетит от Сенича, что я лодырничая и страдаю от безделья, – дюже страдательно вздыхая да подкатывая кверху глаза, молвил слуга.

– Ну, ладно... остальные двери открывай сам. Не хочу, чтобы из-за меня у тебя были неприятности, – тоже вздыхая, согласился Керк, и спрятал руки за спину, чтобы они не выполняли не положенных им нынче дел. – А теперь води меня к отцу, – изрек он.

И Борщ, довольно улыбнувшись, повел сына правителя по коридору, который был узким и завершался лестницей, уводящей на первый этаж. В этом коридоре было несколько дверей, около одной из них слуга задержался и, кивая на нее, прошептал:

– Это опочивальня вашего брата Эриха.

Керк и Борщ спустились по лестнице вниз и оказались в прямоугольном, просторном, полутемном коридоре, по правую руку от них располагалась дверь, она вела в комнату. Дальше просматривался узкий предбанник, отделяющий одно помещение от другого, и Борщ указывая на дверь принялся пояснять:

– Это, ваша милость, светлая комната, в ней занимаются магией, туда можно заходить только правителю, – и, направил вытянутую руку на предбанник. – Этот коридор ведет в тронный зал, там находится, так называемая потайная дверь.

Борщ пошел вперед, и, открыв находящуюся напротив лестницы дверь, вывел Керка в огромный коридор, с двумя разветвлениями: прямо и направо. В том помещении стены были украшены набором мелких цветных камней, которые переливались и поблескивали от света факелов вставленных в укрепления на стене. Слуга остановился, и, продолжил толкования сопровождавшие взмахами руки:

– Налево тронный зал, в него ведут эти прекрасные украшенные резьбой двери, прямо лестница на второй этаж, где находятся опочивальни ваших младших брата и сестры. По левую

сторону от лестницы белая столовая, там обедают и ужинают правители. А по правую сторону лежат опочивальни правителя и правительницы.

Борщ повернул направо, и, пройдя еще немного, снова встал, он показал на широкие двухстворчатые двери впереди, и чуть слышно добавил:

– Парадные двери ведут из дворца на площадь, а мы сейчас с вами повернем и войдем в эти двери, – и он направил руку на двери, находящиеся справа от него. – Это общий зал, его еще называют гридницей. Здесь собирается дружина правителя на пиры и советы. В гриднице два входа, один – тот через который мы войдем, – и слуга, открыв дверь, впустил сына правителя в зал. – А тот, что, напротив, приведет нас в Славный коридор.

Керк вступил в зал и, неторопливо оглядевшись, заметил:

– Я вчера в этом зале был.

– Точно, ваша милость, были, – согласно кивнув головой, откликнулся весьма говорливый слуга. – Ниже под первым этажом находится подземный этаж, там разместились кухня, топка с печами, кладовые разные и комнаты слуг. Правда, во дворце не все слуги живут. У многих в городе избы, да дома и они приходят во дворец лишь утром.

– А, ты? – спросил Керк, все поколь созерцая чудно полыхающие светом мозаичные стены гридницы.

– А, я, сирота, ваша милость. Мои родители умерли, потому правитель взял меня во дворец. И я живу здесь постоянно, – сокрушённо сказал Борщ, и, вскинув на Керка глаза, по-доброму ему улыбнулся.

Пройдя гридницу насквозь, ребята вышли в Славный коридор, по одной стороне которого на стене висели в полный рост живописные изображения людей. А другая часть коридора имела большие окна и обозревала «чистую» рощу. Керк взглянул на первое изображение и нашел много общего между высоким темноволосым мужчиной и собой, тут же догадавшись, что перед ним его предки.

– Это правители Восурии, – огласил Борщ и, показывая на первое живописное изображение. – Это правитель Ярил, по реклу Разумный.

Керк было хотел задержаться в этом коридоре и осмотреть все изображения, но слуга сказал:

– Ваша милость, правитель ждет вас, поторопимся, – и показал на окно, через которое было видно правителя.

Ярил сидел на скамье, возле прекрасно украшенных цветников, чудных форм, в ожидании сына.

Глава четвертая

Когда Керк вышел в «чистую» рощу, он узрел, поднявшегося правителя торопливо направившего к нему свою поступь. Как и при первой встрече, отец раскрыл объятия и заключил в них сына. Керк был по росту ниже, чем отец и посему заглянув в его лицо, хорошо рассмотрел все его черты. И вновь поразился тому, как сильно он был похож на Ярила: тот же высокий лоб, черные густые брови, прямой нос и тонко очерченные алые губы. Только в отличие от Керка у отца были зеленые глаза.

– Здравствуй, сын мой! Очень рад тебя видеть. Как ты отдыхал? – участливым голосом, спросил правитель.

– Все хорошо, ваша светлость, – ответил Керк, и слегка смутился проявленной заботе.

– Нет, нет, мальчик мой. Прошу тебя, называй меня отцом.... Я, конечно, понимаю, что ты меня не знаешь, но я очень хочу познакомиться с тобой, хочу быть близким тебе, хочу стать тебе отцом, которого ты был лишен, – сказал правитель и ласково улыбнулся сыну.

– Я постараюсь звать вас отцом, – согласно кивнув головой, произнес Керк. – Но мне нужно время, чтобы привыкнуть к новой жизни... к жизни... и к вам.

– Конечно, тебе нужно время. Но у нас с тобой времени достаточно, – заметил правитель и, надрывно вздохнул, по-видимому, снова переживая все эти долгие годы разлуки с сыном.

Ярил поклат на плечо сына свою широкую ладонь и несильно его сжал, выражая тем самым всю радость от встречи с ним. Во время беседы они неспешно шли по дорожке, и Керк, слушая отца, поглядывал по сторонам, любуясь цветами, небольшими прудиками и зеленью.

– Здесь очень красиво, – изрек он.

– Что ты сказал? – на мгновенье, отвлекшись на свои мысли и затихнув, поспешил спросить отец.

– Я сказал, что здесь очень красиво, – повторил Керк, и, подняв руку, обвел вытянутыми пальцами по кругу, указав на цветники.

– Да, ты прав, здесь очень красиво, это все создал и посадил наш садовник Орех со своими детьми – Первушей и Ершом, – пояснил правитель. А маленько погода задумчиво протянул, – но мне, если честно, больше по душе вольная красота нашей Восурии с ее зелеными дубравами, колосющимися полями и цветущими лугами.... Ну, а мы с тобой сейчас пройдем по этой дорожке и попадем в сад, да сможем там спокойно поболтать, ведь разговор наш будет долгим.

Некоторое время они шли, молча, и миновав небольшую «чистую» рощу, где почитай не росли деревья, лишь по рубежу коей просматривались низенькие кустарниковые поросли терновника, вошли в сень сада. Здесь, в саду, в основном произрастали фруктовые деревья, весьма много было тут раскидистой высокой вишни. И так как весна была в полном разгаре (шел второй ее месяц – цветень) вишня распустила цветочную почку, и распространяла вокруг себя сладковатый аромат меда. Пройдя еще чуть-чуть, Ярил и Керк остановились подле небольшой скамейки.

– Присядем, – предложил правитель. – Знаешь, я тут часто бываю, тут как-то дышится легче. Люблю посидеть и подумать. Мне кажется, сынок, что у тебя накопилось много вопросов ко мне, и я попробую тебе сейчас все объяснить.

Отец и сын неторопливо опустили на гладко обтесанную, деревянную скамью, и Ярил чуть-чуть помолчав, вроде как собираясь с духом, стал рассказывать о том, как Керк родился, как его случайно подменили, а потом украли, несколько раз при этом добавив, что именно поэтому у правителя Восурии пока нет наследника. Однако Керк слышавший изложение случившегося от доброжила, рассказом отца уже не так заинтересовался. Он также заметил, будучи внимательным с малолетства, что во всем что случилось, отец не винил Долю. И понял, а быть может даже почувствовал, что правитель очень любит мать. Потом Ярил поведал о том, как искал все эти долгие пятнадцать лет сына и наконец – то нашел, а теперь он, его первенец, вернулся домой, и правитель этому весьма рад. Отец неожиданно смолк, словно недоговорив чего-то, и вновь задумался так, что на его лице напряглись желваки, а меж густых бровей пролегла тонкая ниточка-морщинка.

– Отец, – окликнул его Керк. – А кто меня украл и зачем?

– Кто организовал это похищение, я пока не выяснил. – немедленно отозвался Ярил. – Из разговора с твоими, так называемыми, дядей и тетей, я понял, что пятнадцать лет назад им привезли тебя какие-то люди. Они сказали, что ты находишься в беде и нуждаешься в укрытии, да приказали растить, как собственного племянника... в противном случае обещали их покарать. Вот они и растили тебя, молча. Хотя видели на твоей руке печать и верно могли догадаться, что она неспроста там поставлена, – очень гневно закончил свою речь правитель.

– Они хорошие люди, мои дядя и тетя, никогда меня не обижали. Я был у них счастлив, – поспешил молвить Керк, узрев как побурело от негодования лицо правителя. – Что ты с ними сделаешь?

– Ничего, ведь они воспитали тебя, – ответил Ярил и успокоительно похлопал сына по плечу. – И ты сам говоришь, были хорошими людьми. Мне нужно узнать про тех, других – похитителей, кто за этим стоял.

– Неужели это так важно, – потерев пальцем бровь, поинтересовался Керк, и глубоко вдохнул насыщенный цветочной пылью воздух, осевший сладью на его языке и нёбе. – Ведь теперь я вернулся, и уже взрослый. Меня больше никто не украдет.

– Да, теперь ты дома, ты взрослый, – согласился отец, не сводя взора с сына и верно любуясь его ладностью. – Однако пока ты в большой опасности, ведь ты еще не наследник престола.

– Скажите правитель... Ох! вернее отец, а кто должен стать наследником престола – Эрих или я? – спросил Керк таким тоном, точно то его не больно тревожило.

– Это очень сложный вопрос, и пока я не могу на него ответить. Через год, когда вам исполнится по шестнадцать лет, я должен буду принять решение и назначить наследника. И я надеюсь, им окажешься ты, – сказал Ярил, и широко улыбнулся сыну. – Ты очень похож на меня, – дополнил он слегка понизив голос.

– Но, по-моему, правителем должен стать не тот, кто похож на вас.. тебя... а тот, кто сможет разумно и правильно управлять нашей любимой Родиной и славным народом. И я, конечно, не знаю хорошо Эриха, но думаю, что все эти пятнадцать лет он учился быть истинным правителем. А я учился быть..., – Керк замолчал, обдумывая слова, а затем негромко, чтобы не обидеть правителя добавил, – быть хорошим рыбаком. Так что выбор твой... ваша светлость... извини отец, очевиден.

Керк молвил эти слова с таким достоинством, что сомнений не могло возникнуть, они сказаны от светлого и чистого сердца. Правитель вонзился взором в своего сына, он оглядел его с ног до головы, задержавшись на красивом лице юноши, да верно оставшись довольным ответом Керка, меж тем тягостно покачав головой, произнес:

– Да, Эрих учился многому, но Эрих не умеет и не владеет главным – магическими способностями, которые сходят каждому первенцу из рода Богомудра. А...! Да, ты, наверно не понимаешь о чем я.

Однако Керк не дав правителю объяснить, поспешил ответить:

– Нет, отец, я знаю, о чем ты.

– В смысле, ты знаешь, о чем я? – удивился Ярил, и убрал со своей ресницы слетевший с дерева лепесток вишневого соцветия.

Лицо Керка взволнованно дрогнуло, он уже пожалел о выскочивших словах, но будучи по природе честным и открытым юношей попытался растолковать правителю:

– Ну, я сегодня утром видел доброжила, и он мне кое-что рассказал. Я имею в виду Богомудра и его дар.

– А... ты видел доброжила! – ещё более удивляясь, повторил Ярил, и почему-то усмехнулся. – И это был твой первый дух, которого ты встречал в жизни?

Керк немного помялся, но приободренный взглядом отца, объяснил:

– Да нет, не первый. В доме у нас тоже жил доброжил. Правда, он сапоги не носил, босой был. Ну, еще я видел баенника, дворового, винного жихаря. А раз видел, как винный жихарь с баенником дрался – вот потеха была... В море встречал русалок, знаешь, они очень красивы: белолицые, полногрудые девы, с распущенными светлыми волосами и зелеными глазами. Начинаешь на них смотреть, как они плещутся на волнах, играют и песни поют, да и забудешь о времени. Мой дядя и братья их не видят, а песни слышат... а я и видел. Дядя говорил, что у меня дар, и я никому не должен об этом говорить, и я молчал. Тебе первому об этом рассказал.

– Да, – сказал правитель, и теперь в его дотоль вроде суровом взгляде заполыхала обнадеживающая радость. – Это дар, дар, который ты, как первенец, получил от Богомудра. Но это еще не всё, только первый сын получает этот дар и печать с перстня, – отец снял с указатель-

ного пальца левой руки перстень, и Керк увидел, что на перстне изображена такая, же печать, как и у него на ладони.

Он взял в руки протянутый отцом перстень и принялся разглядывать его. Перстень был из чистого золота, очень тяжелый и массивный, в голове его просматривалось восьмиугольное поле, на каковом изображен старец в длинных одеждах с огромным посохом в руке, во все стороны от коего расходились лучи, а по краю поля легко прочитывались слова: «Род Богомудра храни верность Богу Сварогу».

– Это Бог Сварог? – понизив голос, спросил у правителя Керк, возвращая перстень.

– Да, это Сварог. По преданию этот перстень был подарен Лучезару, по реклу Сильнейший, его отцом Богомудром, – ответил Ярил, надевая перстень на палец.

– Я никогда не мог прочитать эту надпись на руке, она у меня плохо читается, – заметил Керк, и, открыв ладонь, показал печать отцу.

– Знаешь, у меня она тоже плохо прочитывается, но каждый наследник Богомудра держит эти слова в своем сердце, – выдохнул правитель, и провел пальцем по восьмиугольному полю перстня.

– Мой дядя всегда говорил мне, чтобы я никому не показывал этот знак, говорил, что у меня будут неприятности. А в детстве тряпичей перевязывал мне руку, чтобы другие не увидели. И мне всегда казалось, что эта печать несет в себе, что-то темное. Но когда я стал старше и научился читать, я прочел имя Бога Сварога и понял, что это необычный знак. – Керк примолк, как бы собираясь с силами, потер правую бровь пальцем, а после досказал, – говорят, что ведуны отмечают своих учеников, ставя им знак на руке. И я думал, что стану когда-нибудь ведуном. А оказалось...

– Оказалось, что ты не ведун... а будущий правитель, – закончил за сына отец, и, посмотрел внимательно в его голубые глаза. – Но также как и ведун, ты тоже обладаешь магическими способностями, а со временем научишься использовать заговоры, обереги и присухи.

– Ты, будешь учить меня магии? – с горячностью в голосе переспросил Керк и словно подался вперед, приблизив лицо и выплескивающие восхищение очи к отцу.

– Да, я буду учить тебя магии, потому что престол Восурии может наследовать только человек, обладающий магическими способностями, – сказал Ярил и радостно просиял так, будто его озарило лучистым солнечным светом.

– А этих способностей нет у моего брата Эриха, я правильно понимаю? – Керк задал этот вопрос дюже тихо, вроде как пугаясь ответа правителя.

– Правильно, – коротко изрек Ярил, он перевел взгляд с лица сына, и, устремив его в глубины сада, все тем же ровным голосом, добавил, – у Эриха этих способностей нет. Нет! потому что они могут передаваться лишь двумя способами. Первый – это на девятый день первенцу от самого Бога Сварога, а второй – это когда перед кончиной правитель по доброй воле передаст их наследнику, – отец сузил очи и пристально взгляделся в сад, верно, пытаясь там, что-то распознать.

– Значит Эрих, может получить эти способности от тебя? – поинтересовался Керк, и глянул туда, куда посмотрел отец, и где среди стволов деревьев мелькнул силуэт собаки.

– Или от тебя..., – заметил отец, и, встав со скамьи, осмотрелся.

– Там была собака, – пояснил юноша, увидев, что именно ее движение привлекло правителя.

– Да, – изумленно зыркнув на сына и присаживаясь на скамейку, молвил Ярил. – Ишь, ты, глазастый какой... – это он высказал довольным тоном. – Но, знаешь именно этого я боюсь, чтобы каким-либо обманым образом у тебя не забрали эти способности.... Я вижу ты очень достойный юноша, не властолюбивый, умный и добрый, а Эрих...

– Может ты, отец, не прав, может Эрих не таков каким хочет казаться? Может он хороший сын, – сам не зная почему, вступился за брата Керк.

– Сын, может, он и хороший, но он, я думаю, не очень хороший брат, – задумчиво отметил правитель. – Скажи мне честно, что ты вчера почувствовал, когда его обнимал?

Керк не торопился отвечать, будто припоминая то, что вчера пережил и стараясь подобрать правильные слова. Отец также молчал, давая сыну возможность подумать, и все еще продолжая всматриваться в глубину сада, где давеча проскользнула слегка зримой тенью высокая черная собака.

– Мне кажется, что я ему не понравился, – немного погодя произнес юноша.

– Не понравился... наверно ты почувствовал неприязнь или что-то более? – уточнил расстроенным голосом отец.

– Ну, что-то вроде неприязни, – согласился Керк и кивнул.

– Я так и думал... Знай, что твое восприятие человеческого отношения к тебе – это тоже дар. Эрих и к Туру, и к Малуше так же относится – неприязненно. Это меня очень пугает. – Ярил поднял руку и легохонько смахнул с волос сына, нападавшие с дерева, лепестки цветов, да мягко добавил, – ты будь осторожен в общении с ним. Хорошо?

– Хорошо, – пообещал Керк и толи от обещания, толи от тех неприятных мыслей порывчато дрогнул всем телом.

– Ну, а теперь пойдем, уже право пора обедать, – сказал правитель, поднимаясь со скамейки и расправляя покатые плечи.

– Отец, и последний вопрос, – торопливо выдохнул Керк и вскочив на ноги, придержал поднимавшегося правителя за руку. – А почему ты меня назвал Керком? Или это не ты мне дал имя?

– Нет, это имя я дал тебе, – ответил Ярил, и малеша повернувшись вправо отвернул от сына лицо, словно совестился говаривать о том. – Так звали моего названного брата. Его страну, что граничит с Восурией, захватили враги, и он вместе со своей матерью попросил у нас защиты. Мой отец, Лучезар, по реклу Благородный, предоставил ему убежище и воспитал его, так как мать у него вскоре умерла, а когда Керку исполнилось семнадцать лет, помог ему вернуть трон. А Эриха я назвал в честь отца твоей матери. Именно твой дед Эрих и захватил трон принца Керка. Когда я поставил печать на руку Эриха, и магического обряда не свершилось, я не смог дать ему наше имя, поэтому дал временное, как и тебе. Когда вам исполнится по шестнадцать лет, я смогу выбрать для вас и дать вам подлинные восурские имена. Все понятно? – поинтересовался отец и очень тяжело задышав, неторопливо направился к тропинке, тем самым как бы прекращая разговор вошедший в столь неприятное для него русло.

– Да, все понятно. Я, конечно, привык к этому имени. – Керк без сомнения приметил не понятное для него недовольство отца, и, догоняя его, совсем тихо произнес, – но мне все же нравятся наши имена... восурские.

Правитель медленно повернул в сторону юноши голову, по-доброму ему улыбнулся и в знак согласия кивнул, да, продолжая разговор, отец и сын неспешно пошли в обратный путь ко дворцу.

Глава пятая

Теперь жизнь Керка потекла по другому руслу, все было в ней ново и необычно. Он начал учиться стрелять из лука, ездить на лошадях, биться на мечах, а отец принялся обучать его магии. Будучи очень послушным и трудолюбивым юношей, он прилагал усилия ко всем своим новым занятиям, а потому наставники хвалили его. Вместе с Керком уроки получал также младший брат Тур. По первому Тур во всем превосходил Керка, но он был добрым мальчиком, и посему сообщая со старшим братом печалился его неудачам и радовался, когда у него что-то получалось. Вскоре между Керком и Туром возникли прекрасные отношения, наверное, еще и потому, что первый сильно скучал за своими названными «братьями» – Семом и Лелем, и всю свою любовь теперь стал отдавать Туру. Вечерами когда, устав от дневных трудов, Керк

возвращался к себе в опочивальню, раздавался стук в дверь, и на пороге появлялся Тур. Сначала он лишь робко стоял в дверях, не решаясь войти, но старший всегда так радостно встречал младшего, что со временем Тур и вовсе перестал стучаться в дверь. Керк, поведавший и познавший народную жизнь изнутри, мог подолгу рассказывать мальчику о Духах и героях, о великанах и волшебных существах, а тот зачарованно, широко раскрыв рот и выпучив свои зеленые глазенки слушал старшего брата.

Иногда при их разговорах присутствовал старичок-доброжил, он неожиданно возникал на краю ложа, где лежали братья, легонько им кланялся, и, посмеиваясь в бороду, усаживался на укрывала да с не меньшим любопытством вслушивался в эти сказы.

Керк всякий раз почтительно приветствовал доброжила, чем вызывал еще большее уважение у младшего брата. Когда это случилось впервые, Тур поинтересовался, кому поклонился Керк, а услышав ответ, весь загорелся от желания видеть старичка. Но, увы, способностей старшего брата у него не было и ему только, и оставалось, что восхищаться Керком. Иногда, доброжил не приходил в опочивальню, и тогда, чтобы поддержать брата Керк, говорил Туру, что и ему, когда-нибудь, может показаться старичок-доброжил, надо быть только почтительным с ним. И младший брат, тут же, прямо на ложе старшего, клятвенно обещал, что всегда будет уважителен ко всем Духам.

У Тура до сих пор никогда не было такого друга и брата, каким нынче стал для него Керк, и он искренне полюбил того. Вообще у Керка складывались хорошие отношения и с Малушей, и с отцом. Слуги также полюбили скромного, простого юношу. И жизнь бы его протекала спокойной, если бы ни мать и Эрих. Мать старалась не замечать старшего сына, вначале она, при отце, еще как-то осведомлялась его успехами, но постепенно наблюдая какие показывает он способности в магии, совершенно перестала говорить о нем. Вечерами когда они собирались на ужин все вместе, в белой столовой. И отец начинал горделиво хвалить старшего сына, она все время старалась перевести разговор на другую тему. Это подмечал, не только Керк, теперь сидевший по правую руку от правителя, но и сам отец. Довольно часто, он стал перебивать супругу или просто запрещал ей говорить. Керк не получал от матери ни любви, ни ласки, ни доброго слова. Однако мать так относилась не только к нему, она также была безразлична к Туру и даже к Малуше. Мать любила и выделяла одного Эриха который, как правильно подметил доброжил, вырос властолюбивым и злобным. Его злость особенно была сильна тогда, когда рядом находился Керк.

Поначалу, Керк стараясь наладить отношения с Эрихом, пытался заговорить с ним, но в ответ получал лишь полные ненависти взгляды, в лучшем случае, а в худшем оскорбления. Тогда Керк решил просто не связываться с братом и перестал его затрагивать.

Но чем лучше у него, что-то получалось, чем больше его хвалили наставники, тем более не сдержанным становился Эрих. Особенно злили его, даваемые отцом магические уроки Керку, ведь не обладающий способностями Эрих, никогда не имел возможности чему-то научиться у правителя.

Впрочем, Эриху, грех было жаловаться, всему другому его учили очень хорошо. Обучающейся ратному мастерству с шести лет, он превратился в хорошего воина. Мастерски владел мечом, прекрасно метал копье, хорошо стрелял из лука и был отличным наездником.

В отличие от Эриха, Керку тяжело давалось овладение мечом. Однако копье и лук он освоил быстро, обладая не малой силой, закаленный морем, Керк легко научился стрелять из лука, к тому же у него оказался, как говорят, «меткий глаз» и вскоре он уже мастерски поражал мишени. Так же легко и быстро он научился метать копье, попадая точно в цель.

На заднем дворе дворца, за «чистой» рощей и садами, было устроено место для занятий, так называемый Ратный двор. Там упражнялись на мечах, стрельбе из лука и метании копья. На лошадях ежедневно совершали двух-трех часовые поездки из крепости. И этому мастерству, Керка и Тура, учил дружинник Дубыня. Это был богатырского сложения мужчина, высокого

роста, дородный и статный. С необычайно светлым и добрым лицом, с белокурыми волосами и небольшой бородой. Каждое утро, они втроем, оседлав лошадей, выезжали в поле, прихватив с собой луки, а иногда и копыя, изредка к ним присоединялся Храбр и отец-правитель.

Проехав мимо деревни, они пускали лошадей в галоп и останавливались где-то в выко-сах. Там в широких восурских лугах, поросших травами и полевыми цветами, они отпускали лошадей пастись, а сами метали копыя и стреляли из луков. Керк в такие моменты ощущал себя вольным и счастливым. Иногда они задерживались надолго и возвращались только к вечеру усталые и голодные. Храбр встречал их у дверей дворца и бурчал на них, потому как они опять пропустили занятия, при этом особенно доставалось Дубыне. Но тот лишь беззлобно посмеивался, над словами друга, брал лошадей у братьев и уводил в конюшню.

Керк особенно полюбил Дубыню, так как за все время обучения ни разу ни слышал от него грубого слова. Дубыня был могучим богатырем, умелым воином, и на ратном поле враги бежали не раз от него, боясь погибнуть. А теперь он стал спокойным и щедрым на похвалу наставником, и даже когда у братьев что-то не выходило, он всегда их подбадривал, считая, что только в похвале лежит ключ к умелому обучению.

Другой учитель Керка – Храбр был полной противоположностью Дубыни, резкий и гру-бый, скупой на похвалу. Однако не менее, чем Дубыня дородный и высокий, с темными едва тронутыми сединой волосами и бородой, с серыми глазами, обучая Керка владеть мечом, он показывал чудеса мастерства и чаще всего на уроках ругал своего ученика, но один на один с отцом-правителем хвалил его, говоря, что из него выйдет толк. Оттого эта похвала была еще дороже Керку.

А вечером с ним занимался отец. Правитель не просто рассказывал ему о всех его пред-ках, но и учил магическим заговорам. В магии Керк особенно преуспевал – сказывались полу-ченные магические способности. На занятиях с отцом он легко и быстро научился останавли-вать кровь, лечить раны, заговаривать стрелы и копыя. Керк понимал, каким даром, а теперь и знаниями обладает он. Иногда отец на таких занятиях просто подолгу разговаривал с сыном или отвечал на его вопросы:

– Помни, сын, что слова обладают могучей силой, иногда даже опасной. Но чем глубже ты постигаешь магию, чем сильнее и могущественнее становишься, тем становишься более осто-рожным. Будь мудрецом, помни, что заговоры, присухи и обереги, которые ты постиг, попав в недостойные руки, могут стать опасными для людей.

Керк слушал и понимал, о чем говорит отец. Очень часто в такие моменты он почему-то вспоминал об Эрихе.

Однажды, после очередного занятия с правителем, Керк вышел из светлой комнаты, и, направляясь к себе в опочивальню, внезапно увидел, что впереди него кто-то метнулся от двери по коридору, он прибавил шаг и на лестнице догнал Эриха.

– Ты что тут делаешь? – не удержался от вопроса Керк.

Эрих с ненавистью посмотрел на брата, подобно дикому зверю желающему напасть на свою жертву, а посему готовящийся к прыжку, он замер на месте, его тело судорожно вздро-нуло, в глазах блеснули ярые черные блики. На тонких губах вроде набрякших алым светом шевельнулись, точно ползущие в разные стороны кровавые змейки, и гневно он прорычал в ответ:

– Что надо, то и делаю. Я, может, тоже уроки беру, – затем он мгновение медлил и вовсе со жгучей яростью добавил, – мерзкий рыбак! Нашто ты сюда приехал, от тебя воняет тухлой рыбой, если не хочешь получить кинжалом в спину, убирайся из моего дворца! И поживей! – Эрих стремительно повернулся и побежал вверх по лестнице к себе в опочивальню.

Керк был потрясен. Не ожидал он услышать такие страшные слова и мысли брата. Его всколыхнул сам помысел того, что брат может столь спокойно говорить о такой подлости, как удар ножом в спину.

Некоторое время он стоял на лестнице, а потом, неторопливо поднявшись по ней, вошел в коридоре. Было уже поздно, и Борщ его не провожал. Мрачный темный коридор после слов Эриха внушил Керку страх. Но юноша знал, что страх легко прогнать, он глубоко вздохнул и тронулся к своей двери. Проходя мимо комнаты брата, он неожиданно почувствовал, будто то узрел, что Эрих приник и, тяжело дыша, уткнулся лбом в дверь. И Керку почему-то стало жалко брата, он остановился около двери и шепотом стал говорить оберег на усыпление врага – этому заговору отец недавно обучил его: «Вылетал ворон из-за Смородины реки, Смородины реки, огненной реки, разбросал по крутым берегам злобу да злость. И вышла грозная туча, громовая стрела от огненного лука Бога Перуна. И пролился дождь, и покорила им злоба и злость. И как дождь воды пролил, так ты меня сына Ярила, внука Богомудра, Керка не тронул. И как от воды камни отпрядают, и пузыри отскакивают, так и ты, глаза закрыв, в сон впади. И слово мое крепко!» – сказал те слова заветные Керк и прислушался. А за дверью дыхание Эриха выровнялось, и ощутил юноша, каждой крупиночкой своей кожи, что и глаза брат сомкнул. Вспомнил Керк слова отца, что действие заговора зависит от способности сделать живой саму мысль, и сызнава повторил оберег, а когда закончил его сказывать, услышал, как отяжелевшее тело Эриха опустилось на пол.

– Спи спокойно, брат, – сказал довольный собой Керк и направился к себе в опочивальню.

Ранехонько поутру, когда солнце слегка позолотило край небосвода и его теплые лучи, просквозили, словно продырявив, через деревья и травы, легли широкими полосами на колышющиеся воды, Керка разбудил доброжил. Юноша открыл глаза и удивился, оно как на ложе нынче сидел не только старичок – доброжил, а еще и его собратья: дворовой и винный жихарь. Дворовой обликом походил на старичка – доброжила, такие же черты лица и также весь покрыт седенькой шерсткой. Вот только красных сапожек у духа не было, да и вообще у дворового стопы заменяли маленькие серые, с лощеными боками копытца, один-в-один как у лошади. Ведь живущий во дворе, дворовой, значился хозяином всех домашних животных, а во дворце правителя осуществлял уход за лошадьми. Жихарь хоть и был такого же роста, что и доброжил с дворовым, но в отличие от них не имел копытец, ни волосатых ладошек, черты его лица были схожи с бараньими. И вместо седенького цвета волосы, бородушка и выющиеся усы имели белоснежность, подобно выпавшему давеча снегу, потому как сберегающий хлеб от всякой напасти и беды, дух зачастую показывался людям в образе белого барана.

И с дворовым, и с винным жихарем Керк уже давно познакомился. С одним – во дворе, а с другим – в овине, куда ходил с Дубыней, впрочем, в гости к нему они еще никогда не приходили. День тока-тока начинался и в парящем полумраке юноша все же отчетливо разглядел своих гостей. Он низко склонил голову в знак приветствия и в ответ получил поклоны, а потом спросил, снедаемый любопытством:

– Добрые мои духи, берегущие дом, скот и хлеб, что так рано привело вас ко мне, иль беда, иль радость?

– Здравствуй, хозяин, – с некоторых пор доброжил стал так называть Керка. – Прости, что потревожили твой сон, но мы не могли не прийти к тебе в такой день.

– В такой день, а что сегодня за день? – удивленно переспросил Керк и поднявшись с ложа, уселся на нем.

– Ну, как же, ведь вчера ты впервые воспользовался присухой. И победил своего злобного брата, – с нескрываемым восторгом сказал доброжил, а дворовой и жихарь в согласии закивали головками так, что их длинные, патлатые волосенки замотылялись из стороны в сторону.

– Как вы об этом узнали? – очень тихо поинтересовался юноша и взволнованно оглядел неожиданных гостей.

– Очень просто, – пояснил доброжил, и провел коротким волосатым пальчиком у себя под носом, по-видимому, утирая там какую-то склизкость. – Ведь я бываю везде во дворце... везде.. Вчера я видел, как Эрих сызнава, заметь... сызнава толкался около двери в светлую

комнату. И так как мне не по душе не порядок, я задержался поглядеть, что же будет. Вскоре из комнаты вышел ты, а этот злыдень припустился бежать по коридору. Я видел, как на лестнице вы встретились, и поспешил к тебе... И слышал я ваш разговор, злобные слова Эриха брошенные в тебя... Все, все слышал! И был даже сам сердит... Однако весьма остался доволен тем, как ты его усыпил. Ха...ха...ха... свалилась...

валилась эта скверна на пол и всю ночь там проспала. Вот же Дола расстроится тому событию... ха..ха..ха.

– Ах, ты, а я и не подумал, что он всю ночь будет спать на полу, – искренне огорчившись, изрек Керк.

– Ага! – вмешался в разговор дворовой, верно также как и его собрат испытывающий удовольствие от поступка сына правителя. – И еще весь день до ночи спать будет!

– Еще весь день до ночи, как же я об этом не подумал. Отец огорчится, что я использовал свой дар в ущерб Эриху, – удрученно закачав головой, заметил юноша и губы его чуть дрогнули.

– Не-а, не огорчится, – молвил доброжил, и широко просиял улыбкой.

– Не огорчится? Почему, почтенный доброжил? – спросил Керк, опираясь правой ладонью книзу растрепанные после сна волосы.

– Не огорчится, потому что он уже обо всем знает, – радостным голосом произнес старичок, и резво поднявшись на свои маленькие ножки, неспешно прошелся по краю ложа.

–Откуда? – тревожно спросил Керк и поглядел сначала на прохаживающегося доброжила, а затем перевел взгляд на дворового.

Доброжил какой-то миг медлил с ответом, все еще медленно прогуливаясь по ложу, затем он остановился, и, вперившись в лицо юноши очами, с удовольствием потер меж собой ладошки, да пояснил:

– От меня. От меня, он узнал... Ибо я молчать не стал... я все.. все ему поведал.

– Ты, ты ему рассказал? Когда? Зачем? – расстроено заметил сын правителя и на миг словно увидел недовольное лицо отца.

– Как зачем? Ведь этот предатель замышляет тебя убить, – повышая голос, возмущенно ответил доброжил и закашлял, дух даже подался вперед головушкой, будто захлебываясь тем кряхтением али негодованием.

– Да нет, я уверен, это он просто так сказал по глупости, – махнув рукой в сторону двери, объяснил Керк.

– Нет... не по глупости, – пробухтел доброжил и вновь испрямив спину, продолжил свою неспешную ходьбу по укрывалу, каковое небольшими бугорками и выемками, покоилось на ложе. Ступая потому укрывалу, старичок будучи духом не оставлял после себя каких бы то ни было следов, однако при том, всяк раз спускался в углубления да взбирался на выпуклости. – Я уже не раз замечал, какие он метает в тебя ненавистные взгляды. И все время носит кинжал за поясом, а раньше не носил. А еще все время шепчется с матерью и со своим слугой... скверный такой... скверный этот слуга... не люблю я его... Однажды я подслушал их разговор. Он все говорил, что ненавидит тебя, что ты недостойн престола... что ты никто... и оскорблял, оскорблял тебя, а тот слуга сидел, молчал, да лишь желчно кривился.... А мать твоя тоже хороша. Успокаивает его, говорит ему, чтобы он не злился, чтобы не волновался. Нет, они точно что-то задумали против тебя, – сокрушенно закончил доброжил, и утер свои глазки, а дворовой и жихарь одновременно тяжело вздохнули.

– Задумали? – переспросил Керк и ошарашено посмотрел на духов.

– Да, задумали, я так твоему отцу об этом и сказал, – добавил доброжил, и порывисто закивал головешкой так, что казалось еще морг и она у него отвалится, да бухнется прямо в ту самую выемку созданную укрывалом, подле оной дух недвижно застыл.

– Сказал, а он что? – заинтересовался сын правителя, и почувствовал, как встрепенулась каждая жилочка в его теле, и туго застенала внутри душа.

– Он молчал, молчал, но слушал. Сказал, что Эрих глупый мальчишка и ему полезно поспать, – раздраженно покрутив головой, заметил старичок, да вновь продолжил свой неспешный ход.

– А про мать, что он сказал, про мать? – взволновано спросил Керк, когда доброжил повернувшись, медленно двинулся по направлению к юноше.

– А про мать, он ничего не сказал, но видно было, что думы тяжкие на него налегли, – певуче закончил доброжил и почесал затылок.

Керк примолк, обдумывая сказанное старичком, замолчал и дух, а вместе с ним и дворовой с жихарем. А немного погодя сын правителя малеша скосил глаза, и, воззрившись на доброжила, каковой подошвой правого сапога старался выпрямить вздутие на укрывале, молвил:

– Погоди доброжил, но ты ведь не разговариваешь с отцом-правителем, ты же обижен.

– Конечно, обижен и никогда бы не заговорил, – откликнулся старичок, и, оставив попытки разровнять укрывало, спешно подступил вплотную к сыну правителя. Он протянул вперед ручку и погладил кончиками своих волосатых пальчиков того по лицу. – Но я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Я ведь, хозяин, долго живу на свете, видел всех твоих предков: и твоего прадеда, и твоего деда, и отца. Зрю я каков ты и каков твой брат. Я не хочу, чтобы такой бесчестный, властолюбивый и злобный мальчишка правил этой страной. Нет, только ты достоин, занять престол Восуров, ты – первенец Богомудра... В этом нет никаких сомнений.

– Спасибо, доброжил, за добрые слова, – благодарно ответил Керк и также ласково погладил по голове старичка. – Но может, не стоило говорить отцу о том, что случилось вчера между мной и братом. Я не хочу, чтобы Эрих думал, что я не сумею постоять за себя.

– Тут дело не в том, что будет думать Эрих, важно чтобы ты был жив, – заметил низким, сиплым голосом, до этого молчавший, овинный жихарь и словно баран потряс головой. – После беседы с доброжилом правитель будет знать всю правду, а в ином случае лишь то, что скажет ему правительница. А она скажет, что ты свой дар используешь во вред брату.

– Да, я теперь понимаю, не нужно мне было так поступать, стоило просто пройти мимо, – сказал Керк, и сжал плотно губы, отчего чуть слышно заскрипели промеж себя сведенные зубы.

– Нет, ты поступил правильно, – теперь в разговор вмешался и дворовой, который до этого внимательно слушал разговор, и при этом также внимательно осматривал свое правое копытце. – Ты ведь видел, о чем думал Эрих, что у него было в голове.

– Думал..., – протянул Керк и припомнил свои ощущения. – Он думал о чем-то нехорошем.

– Тогда ты поступил правильно, – сообщая изрекли доброжил и дворовой и было хотели еще, что-то добавить, да в дверь внезапно постучали.

То пришел Борщ, поднимать Керка. Доброжил, дворовой и жихарь низко поклонились юноше и враз да единожды исчезли, оставив после себя лишь несколько мелких крапинок света опавших на ложе, напоминающих затухающие искорки.

Глава шестая

Керку, несмотря на все доводы Духов, было боязно и стыдно смотреть на правителя. И когда к ним, выезжающим со двора на лошадях, присоединился отец и Храбр, он совсем пал духом. Всю дорогу от дворца юноша трусил с опущенной головой, позади всех, постоянно отставая. Миновав деревню, Дубыня, Тур и Храбр пустили коней галопом, правитель же, до этого ехавший впереди, придержал коня и, дождавшись сына, поравнялся с ним. У Керка было препротивно на душе, но, ехавший рядом молчащий, отец, был еще большим укором для его совести, и тогда он решился:

– Отец, – робко начал он.

– Что, Керк? – как ни в чем не бывало, спросил правитель.

– Отец, прости меня, я знаю про твой разговор с доброжилом. И думаю... да нет, я уверен... ты мною недоволен... Может я смогу объяснить тебе свой поступок... и ты тогда поймешь меня, – частенько прерываясь на полуслове протянул Керк.

Отец молчал, а после глянул в лицо сына и по-доброму улыбнулся. И приободренный той щедрой улыбкой, Керк рассказал о вчерашнем происшествии, ничего не утаивая и не скрывая, и о грубых словах Эриха, и о собственном страхе, и даже о, возникшей в душе, жалости. Когда он закончил, то почувствовал, точно здоровущий камень дотоль давивший на него свалился с его плеч, и разом стало легче дышать. Он теперь смог смело посмотреть в глаза отцу.

– Что же, Керк, скажем так, ты поступил правильно, ну может ты выбрал не тот оберег, который следовало в данном случае использовать. Но я рад, что в твоём сердце не возникло ответной злобы на грубые слова Эриха, – правитель чуток помолчал, словно подбирая слова. – И особенно я рад, что ты смог правильно сказать оберег, и он сработал. На тебя я, сын, не сержусь, и ты зря думал, что я буду тобой недоволен. Ты, как будущий правитель, просто обязан, умело себя защищать и не только мечом, но и оберегом. В данном случае меня больше тревожит злоба твоего брата – Эриха. Именно она расстраивает, именно его поступок меня пугает.

– Значит, ты на меня не сердишься, – обрадовался Керк и глубоко втянул в себя бодрящий дух утра.

– Нисколечко, сын, – ответил правитель. Он повернул голову, и, упершись взором в просторы лежащей пред ними земли, добавил, – а теперь, думается мне раз мы с тобой разобрались в этом вопросе, пустим лошадей галопом и нагоним наших. Давай кто быстрее, – и, хлопнув лошадь по крупу, правитель понудил своего жеребца, и тот стремительно перейдя с шага на скороходь, помчался вперед.

Керк понудил своего коня, и тот не менее резво двинулся следом за жеребцом правителя. Впрочем, отец был достаточно хорошим наездником, в отличие от сына, и намного обогнал его, а когда Керк, наконец-то, сравнялся с ним, правитель уже спешил. Спрыгнув с лошади, юноша бросил поводья, и, убежав от ездовой полосы вступил в густые зеленые луговины, порывчато упал на пахучую траву, уставший, но успокоенный собственной совестью.

Шел первый месяц лета, прозванный в народе – червень. Травы поднялись высоко и налились зеленью и злаком. Поднявшись на локтях, Керк увидел, бегущего к нему, Тура. Добежав до старшего брата, Тур также повалился на траву и засмеялся.

– Как хорошо, Керк. Знаешь, я обогнал и Дубыню, и Храбра. Я буду самым лучшим наездником, правда? – ожидая поддержки, спросил он.

– Без сомнения, Тур, ты будешь лучшим наездником и лучшим воином, – приобняв брата за плечи, поддержал его Керк.

– Да, я буду лучшим воином, и когда ты займешь престол, стану возглавлять дружину. Ты же назначишь меня воеводой? – спросил он и заглянул в лицо старшего брата.

Керк засмеялся, ласково взъерошил на голове брата волосы:

– Знаешь, если я буду правителем, то ты обязательно станешь воеводой, обещаю. Но понимаешь, в народе говорят: «Не дели шкуру, не убитого медведя», а это значит, что пока отец не выбрал престолонаследника, все мои и твои слова пусты.

– Не выбрал, ты, что думаешь, отец сделает наследником Эриха? – возмущенно молвил Тур и прыснул смехом, притом прикрыв ладошкой себе рот.

– Я об этом не думаю, знаешь, и тебе не советую, – откликнулся Керк и недовольно покачал головой, по-видимому, не очень-то желая примерить на себя роль наследника.

Тур тут же убрал руку ото рта и широко его раззявил, словно желая, что-то возразить, да только в болтовню братьев вклинился Храбр, громко пробасив им:

– Керк, Тур идите сюда, пора заниматься, – подзывая к себе.

Братья мгновенно вскочили с луговых трав и наперегонки побежали к Храбру, который стоя недалеко поджидал их с луками.

Оказалось, что незадавшийся с утра, день стал весьма даже хорошим. Керка особенно сильно хвалили и Дубыня, и Тур, и отец, и даже, скупой на похвалы, Храбр. А когда ему удалось сбить все мишени и ни разу не промахнуться, он понял, что сегодня был прямо-таки удачный день.

Но Керк не знал главного, что сегодня произойдет. Вечером, за ужином в столовой, где появился, наконец-то, выпавшийся Эрих, отец был как никогда молчалив, и поэтому все ели в тишине. Белая столовая была небольшой комнатой, по середине ее стоял широкий прямоугольный стол. Стены помещения затейливо украшала, как и в гриднице, искусная мозаика, на каковой были начертаны святые деревья Восурии: дуб, береза, ель, вяз и вишня. Напротив двери поместилось широкое окно, через оное вливался в комнату дневной свет, лучисто освещающий каждый уголок в ней. Однако ныне схоронившееся за кучными тучами солнце не озаряло столовую, посему в канделябрах уже зажгли свечи и теперь они откидывали во всех направлениях от себя пляшущие то махонистые, то наоборот крохотные тени. Ужин уже подходил к концу, когда отец, будто очнувшись от своих мыслей, он неспешно обвел всех своих домочадцев изучающим взглядом, да призвав ко вниманию, торжественно изрек:

– Я хочу вам всем кое-что сообщить. Вы знаете, что следующей весной Керку и Эриху исполнится по шестнадцать лет, а, значит, в третий весенний месяц – травень, я смогу назначить наследника престола. По закону, оставленному Богомудром, наследником престола должен стать первенец, обладающий магическими способностями и душевной чистотой. Все это время, как к нам вернулся Керк, я очень внимательно наблюдал за его обучением и сам, как обладающий магическими способностями, учил его. И, – правитель немного помолчал, словно нагоняя напряжения, а после добавил, – теперь у меня нет никаких сомнений, что Керк – первенец! Первенец, обладающий и магическими способностями, и душевной чистотой. Поэтому я выбираю его в наследники престола Восурского. В третий весенний месяц – травень будет совершен обряд на Синь–камне, и Керк станет наследником престола. Но так как лишь мужчина или младенец может стать престолонаследником, то Керку придется пройти посвящение и добыть себе в Сумрачном лесу древко для лука... – Ярил вновь прервался, и глянул в побелевшее лицо Эриха. – Теперь по поводу тебя, Эрих. Так как наследник престола выбран, ты, сын переселишься из своей опочивальни на этаж к Туру. И я думаю, что ты тоже готов стать мужчиной, посему во втором осеннем месяце – листопаде ты так же, как и твой старший брат Керк, отправишься в Сумрачный лес за древком. И если у тебя, Эрих, все получится, я назначу тебя воеводой в город Вегры, который находится на западе нашей страны, тамошний воевода Доброгнев уже давно просится оставить службу.

Закончив свою речь, отец поднялся, внимательно осмотрел каждого из членов своей семьи и вышел из-за стола. Он подошел к Эриху, каковой низко склонил свою голову, лишь правитель заговорил о нем, так, чтобы не было видно его лица, потрепал среднего сына по волосам и пошел из столовой, кинув на ходу старшему:

– Керк, поторопись, я жду тебя в светлой комнате.

Услышав зов отца Керк, до сих пор не пришедший в себя от случившегося, торопливо поднялся из-за стола и двинулся, было следом, однако в то же мгновение Эрих поднял голову. Его лицо мокрое от слез с каким-то диким выражением злобы, ненависти и обиды, полыхнуло черными огнями в сторону Керка. И юноше тотчас стало не по себе от этого лица, от взгляда, а затем нежданно нахлынула такая жалость к брату, что стало трудно дышать. Медленно проходя мимо брата, Керк узрел, как Эрих надломлено уронил голову на стол и громко зарыдал. Теперь это было не просто видно, но и слышно. Ошарашенный Керк остановился, ему показалось, что во всем... во все, что сейчас происходит с братом, виноват только он... Он – простой рыбак, внезапно ворвавшийся в эту семью, чуждый и их мыслям, и их желаниям. И ему немедля

захотелось подойти к Эриху, обнять его по-братски и успокоить, утешить, а после попросить отца изменить свое решение. Он уже было дернулся к брату, как внезапно был остановлен поступком матери.

– Эрих, сынок, любимый мой, не плачь, – Дола спешила к младшему сыну, при этом довольно грубо оттолкнув в сторону Керка. – Не плачь, мальчик мой. Твоя мать рядом с тобой, – правительница обняла Эриха за плечи и стала целовать в волосы.

Малуша и Тур, покуда находившиеся в столовой, начали потихонько подниматься со своих мест. Тур, сухо глянув на мать и Эриха, двинулся к выходу, а Малуша подбежала к матери и обняла ее сзади, но в той, же грубой форме Дола оттолкнула и маленькую дочь. Когда мать толкнула Керка, то он даже не покачнулся, и словно не обратил на то внимание, но Малуша от толчка упала на пол, и по ее бледному прелестному личику потекли крупные слезы. Юноша проворно кинулся к сестре, поднял на руки и прижал к груди вздрагивающее от обиды маленькое создание, и, не выдержав резкого поступка, с горячностью в голосе обратился к матери:

– Как вы так можете, правительница? Вы же ее мать. Нельзя любить одного ребенка и ненавидеть других.

– Ах, ты, мальчишка, – прошептала в ответ Дола, и на миг оглянувшись обдала старшего сына гневливым взглядом своих голубых очей. – Ты еще смеешь меня поучать. Да если бы не я... Ты бы давно уже... тебя бы уже давно не было в живых.

Кровь прилила к лицу Керка от тех слов, и не просто не любовь, а какая-то угроза прозвучала в них.

– Мать ли Вы мне?! – кинул ей Керк, унося на руках Малушу, и выходя из столовой. Следом за ним выскочил Тур.

Малуша прижалась к Керку, обхватив его шею руками, она еще тихонько всхлипывала и что-то говорила на своем детском непонятном языке. В коридоре Керк передал Малушу няне Бажене, старой, полноватой женщине, с волнистыми седыми волосами и добрыми зелено-серыми глазами, та, ласково поглаживая, понесла девочку в ее комнаты вверх по лестнице. И вдруг остановилась, торопливо поворотилась так, чтобы Малуше было видно братьев, а сестричка смахнув ладошкой с щеки крохотную слезинку, прокричала Керку:

– Блатик, ты самый лучший. Покойной ночи тебе.

– И тебе, малышка, спокойной ночи. Пусть тебе приснится сегодня сказка. Пока, – поспешно откликнулся Керк, и помахал на прощание сестренке рукой.

Братья молча пошли вслед за удаляющейся няней и сестрой к лестнице, и Тур все дотоль глубоко вздыхающий, прижался к старшему брату, и обидчиво протянул:

– Как подумаю, что этот прескверный Эрих будет спать теперь со мной в одном коридоре, идти теперь туда не хочется...

Да только Керк не дал договорить Туру и перебив его на полуслове, сурово произнес:

– Не говори так, Тур, Эрих – он несчастный.

– Ха... ха... – засмеялся Тур и порывисто вздрогнул всем телом. – Чем же он несчастен. Ты видел, как мать его любит. То же, мне, нашел несчастного.

– Конечно, он несчастный. А знаешь, чем он несчастен? Тем, что он любить не умеет, он любит только себя, не замечая кругом никого: ни отца, ни брата, ни сестру, ни даже мать. А когда человек не умеет любить, он злится и все воспринимает в дурном свете. Все видит черным, ни за кого не может порадоваться, никому не может прийти на помощь. Ты на него не злишься, ладно, – миролюбиво молвил Керк, и крепко-накрепко обнял младшего брата, вкладывая в тот жест все тепло своей широкой и чистой души.

– Да, я не злюсь на него, – ответил Тур. Он, судя по всему, почувствовал проявленную к нему любовь и, заглянув в голубые глаза старшего брата, пояснил, – просто мне тоже хочется... Хочется, чтобы мать меня также сильно любила. – Мальчик стих, маленечко помолчал и тяжело

вздохнув, добавил, – я только не пойму, за что матушка тебя не любит. Ты такой хороший... самый лучший и ты тоже ее сын, – Тур гневно сдвинул брови и стал еще сильнее похож на отца-правителя.

– Наверно она тоже не умеет любить, я так думаю... Ну, да, ладно, мне пора, отец ждет, – заторопился Керк и выпустив из объятий брата поспешил по коридору в светлую комнату.

– Брат, братик, – окликнул его Тур, юноша остановился подле двери уводящей в иной коридор и оглянулся. – Знаешь, а я очень рад, что ты будешь наследником, правда, я никогда не сомневался в этом.

– Спасибо, Тур, – откликнулся Керк, и, открыв дверь, вошел в коридор, да направился к светлой комнате.

Светлой – эта комната называлась, потому что на протяжении всех поколений юные правители получали в ней свои магические знания. Посередине комнаты стоял большой прямоугольный стол так, что за него с разных сторон садились учитель и ученик, на столе лежала большая, обернутая бурой, потертой от времени кожей, книга. Сама комната была и вовсе маленькой, напротив двери располагалось четырехугольное окно, а по четырем углам помещения поставлены канделябры с восковыми свечами, которые зажигал отец, когда вечерело.

Правитель сидел за столом и что-то читал в книге. Первое, чему научил отец Керка, это читать книгу. В ней, в той сокровенной книге, находились не только заветы Богомудра, но и обереги, заговоры, присухи. Простой человек не мог ни открыть, ни прочесть эту книгу. Для того, чтобы ее открыть, надо знать заветные слова, и только тогда книга отворялась, но чтобы прочитать ее нужно иметь магический знак первенца на руке. Вся книга испещрена непонятными знаками, а в левом углу на каждой странице находится печать, такая же, как и у всех первенцев на руке. Приложишь печать к книге, и ярким светом заполыхает и сама рука и книга, а как спадет сияние, все знаки превратятся в читаемые слова. Читать Керк умел, этому его учил с девяти лет дядя Веселин, который сам знал грамоту и даже говорил на чуждых языках. Веселин полагал, что грамота когда-нибудь пригодится и мальчику. Вот потому, благодаря навыкам переданным ему дядей, Керк быстро овладевал знаниями, заключенными в книге. На первом листе книги был изображен Бог Сварог в полном своем великолепии. Высокий старец с белой длинной бородой, в роскошных одеяниях и с нимбом на голове, от которого во все стороны расходились лучи сияния. Старец держал в руках длинный посох. А вокруг старца золотым светом горели слова: «Род Богомудра, храни верность Богу Сварогу».

Когда Керк зашел в комнату, отец оторвался от книги, закрыв ее, и приветливо глянув на сына, сказал:

– Мальчик мой, твой путь был очень долгим.

– Да, отец, прости, я заговорился с Туром, – ответил Керк и неторопливо тронул свою поступь к столу.

– Я гляжу, у тебя очень хорошие отношения с братом. Ты быстро с ним сошелся, – довольно улыбаясь, молвил правитель.

– Тур хороший мальчуган, и он стал за эти месяцы мне близок, – негромко пояснил Керк, и голос его слегка затрепетал.

– Это хорошо. Хорошо, что у тебя здесь появился верный друг и брат, – отметил правитель, словно не услышав легкой ряби в словах сына.

– Да, брат, – протянул Керк, и сердце его больно сжалось, вспомнив своих братьев, Сема и Леля, с оными вырос и за оными все это время так сильно тосковал.

– О чем ты думаешь, мальчик мой? – спросил отец, увидев, как теперь дрогнуло и лицо сына.

Керк, уже подошедший к столу и неторопливо опустившийся на сиденье, глубоко вздохнул, до слегка трясущимся голосом ответил:

– Я подумал о своих названных братьях – о Семе и Леле. Мы с детства были очень близки, никогда не разлучались. И мне не хватает их.

Правитель недовольно качнул голову, и, нахмутив лоб, отчего не тока меж бровей, но и на самой ровной его поверхности залегли нитевидные морщинки, глухо сказал:

– Да, я и не подумал, что ты за ними скучаешь. Прости, сын, что был к тебе так не внимателен, – расстроено добавил отец. – А почему ты сказал мне об этом только сейчас?

– Думал, что ты будешь не рад о них услышать, – пожав плечами, объяснил Керк. – Ведь они, по сути, мне не родные.

– Ну, может они тебе и не родные, но ты сам только, что сказал, что они твои названные братья, – правитель, посмотрел с нежностью на сына, а немного погодя предложил, – знаешь, что... А давай я отправлю их учиться ратному делу в город Святоград к воеводе Горазду. И тогда на твоём наречении в наследники, они смогут присоединиться к тебе, как дружинники. Что ты думаешь об этом?

– Да, это было бы хорошо, – процедил, сквозь зубы, Керк, думая сейчас о чем-то другом, и уставившись взглядом в бурую кожу книги.

– Ты, что чем-то недоволен или чему-то не рад. Что с тобой, мальчик? – удивился отец, не увидев радости в ответе сына, и провел кончиками пальцев по ребристому полотну книги, слегка отодвинув ее от себя.

– Правитель..., отец, – поправился Керк, и на одном дыхании, будто страхась, что еще остановят, сказал, – может ты поторопился в своем выборе. Может, не стоило выбирать меня в наследники... Может быть Эрих достоин престола больше меня. Знаешь, когда ты ушел, он плакал. И я подумал, что если бы ты с ним позанимался, как со мной, гляди, и он научился магии, – юноша стих и на мгновение застыл, не сводя взора с лица отца, а затем неожиданно порывисто выдохнул.

– Ты подумал обо мне не очень хорошо, сын, – проронил, весь, точно вспыхнувший, Ярил, чем привел в трепет Керка.

– Я... я... не хотел ничего такого, – залепетал юноша, и лицо его начало покрываться мелкими багряными пятнами. – Я просто... я думаю... я рыбак... никто... Приехал сюда... и вот... вот..., – тягостно всяк раз прерываясь, произнес Керк, да чуть бодрее добавил, – я видел, как бьется на мечах Эрих, как ездит на лошадях, он так благороден, а я...

– А ты, ты – мой первый сын... Ты первенец и наследник Богомудра. И у тебя есть магические способности, которых нет у твоего брата. Когда Эрих подрос, и ему исполнилось шесть лет, я пытался научить его магии, но, несмотря на то, что у него стоит печать на руке, книга ему не открылась. Я пробовал много раз, но ничего, никакого толку, – запальчиво и громко молвил правитель так, вроде обижаясь на речь сына. – А насчет его благородства... У правителя должна быть душевная чистота, любовь к своей Родине и своему народу и справедливость, но ни в коем случае ни злоба и ненависть. Нет, ты можешь не сомневаться в моем выборе... А биться на мечах, – и отец молвил после некоторой паузы, – ты со временем научишься лучше, чем Эрих. Вон как ты стреляешь из лука и метаясь копье, даже Храбр поражается твоему умению, – и правитель замолчал.

– Отец, я не сомневаюсь в твоей справедливости. Просто, мне тяжело на него смотреть, он так несчастен, – опустив голову, пояснил тихим голосом Керк, и уперся взглядом в край деревянного, гладкого стола.

– Смири в своем сердце жалость, сын мой. На престоле должен сидеть лучший, иначе наш вольный и славный народ будет жить плохо. Знаешь, есть такая мудрость: «Каждый народ достоин того правителя, который им правит». Разве ты хочешь, чтобы твоим народом правил не разумный правитель? – спросил отец и внимательно посмотрел на сына. Он утер рукой глаза, словно снимая с них пелену, иль прогоняя тем взмахом боль души, да уже более миролюбиво

сказал, – вообще–то... Я думал, мальчик мой, что ты спросишь меня об испытании, которое тебе предстоит выполнить.

– Об испытании? – переспросил Керк и вспомнил слова правителя о Сумрачном лесе.

Когда отец сказал за столом об испытании, юноше захотелось как можно скорее все узнать, но пережитое в столовой заслонило собой стремление услышать подробности.

– Конечно, об испытании. Ведь я уверен, что ты слышишь о нем впервые, – заметил правитель.

– Да, это так, – откликнулся Керк и суматошно передернул плечами. – Ах, отец, прости меня за лишние слова, и прошу тебя, расскажи об испытании.

Правитель какой-то миг медлил с ответом, созерцая своего старшего сына, а посем подался вперед, положил вытянутые ладони на стол и медленно стал рассказывать:

– Как уже я сказал раньше, в середине второго осеннего месяца листопада ты и твой брат отправитесь в Сумрачный лес, чтобы стать мужчинами. Ты должен сделать лук. Главное в луке – это прочное древко. Древко ты обязан вырубить с ветвей дерева Старого Дуба, которое много столетий растет в том лесу и охраняется Духами. Только смелому и сильному человеку Духи разрешат приблизиться к дереву и только чистому сердцем можно будет срубить будущее древко. Однако лишь храбрый сможет добраться до Старого Дуба и вынести древко из леса. На пути тебя встретят лесные и водные божества. А в руках будет только меч. Поэтому я хочу, чтобы ты как можно усерднее учился магии и владению мечом. И так как ты показываешь чудеса в освоении магией, именно она поможет тебе выполнить задание... Да, я уверен, именно магия защитит тебя от всех опасностей в лесу. А по поводу Эриха ты можешь не волноваться, когда ты пойдешь в лес, я дам тебе оберег, и он будет охранять тебя от брата.

– Скажи, отец, а сколько дней мне будет дано на испытание? – спросил Керк, стараясь больше не говорить и не думать об Эрихе.

– Семь дней, сын, – коротко ответил отец и провел ладонями по полотну стола.

– Значит, кроме меча я с собой ничего не могу взять, – задумчиво переспросил Керк, он уткнул правый локоть в стол и уперся расставленными пальцами в лоб, стараясь поддержать, будто отяжелевшую голову.

– Меч и кинжал. И больше ничего, ни лука, ни копья, ни пращи, – покачал головой Ярил, не сводя взволнованного взгляда с сына.

– Жалко. Потому что с лука у меня хорошо получается стрелять. И из пращи тоже, – задумчиво произнес сын правителя.

– Из пращи? Ты умеешь пользоваться пращей? – изумленно поинтересовался Ярил.

– Да, отец, умею, меня научил дядя Веселин. Он очень хорошо ею владел и научил меня, Сема и Леля. Мы на берегу моря занимались с пращей, покрутишь ее несколько раз и выпустишь из руки гладкий конец, а камень-пуля далеко летит в море. Наберем мы таких камней и запускаем кто дальше. Я, если честно, всегда победителем выходил, даже дальше дяди метал. Дядя Веселин говорил, что это самое простое и дешевое оружие. А по силе не хуже лука и копья, тоже убить может, – ответил Керк и усмехнулся, а на лице его от светлых воспоминаний заиграла улыбка.

– Молодец Веселин, правильно он говорил. Но так как ты наследник престола Богомудра, тебе надо хорошо владеть мечом и луком, – заметив, как расцвел сын, молвил правитель и сам засветился улыбкой.

– А почему мы должны добыть себе этот лук, – не унимался с расспросами юноша, поводя пальцами по густой брови, дугой нависающей над глазом.

– О, об этом я и хотел тебе рассказать сегодня, – и отец еще ближе придвинул к сыну книгу.

Керк понял отца без слов, и, убрав руки со стола, развернул к себе книгу и немедленно зашептал над ней заветные слова: «Полети птица Гамаюн, светлый посланник Сварога, во славные

Рипейские горы, поклонись Богу Сварогу, что пирует со Небесными Богами, трижды поклонись, трижды попроси, чтоб раскрыл он великую книгу заключающую в себе знания Мира. И как отверну лицо от Кривды, противницы Правды. Так и мысли мои чисты будут. Да достанутся знания только достойному Бога. И слово мое крепко. И слово мое светло».

И как только произнес слова заветные Керк, книга раскрылась. Отец аккуратно стал перелистывать листы, наконец, он остановился на одном из них, испещренным неизвестными знаками, и сказал сыну:

– Прочти это.

Керк глубоко вздохнул, так как всегда вначале занятий волновался, страхась, что заговор не получится, а затем, чтобы хоть немного успокоиться, изрек вполголоса:

– Во славу Сварога, – и приложил левую руку с печатью на лист.

И в тот же миг рука запылала ярким огнем, а после с нее стали сбегать и падать на лист огненные капли да растекаться, словно жидкость. И вот уже и сам лист горит ослепительным светом, еще мгновение и свет иссяк. Он точно впитался в поверхность листа, и неведомые знаки тотчас превратились в читаемые слова.

– Ну же... – поторопил отец сына.

А Керк поднял голову, посмотрел на правителя и принялся неспешно и громко читать:

– Каждый сын рода Богомудра должен пройти испытание, прежде чем называться мужчиной. Сие испытание положено самим Богомудром, когда тому было пятнадцать годков. Чтобы спасти людей из дальнего города Светославль от разорений горного великана Горыни, отправился в Сумрачный лес и срубил там с Дуба Старого, Дуба Сильного, Дуба Смелого, Дуба Чистого древко на лук свой. Усмирил он в Сумрачном лесу всех Духов и существ. Из древка того сделал лук себе, прозванный Всеметким, и победил великана Горыню да согнал его в подземный мир, где и ныне стоит тот, охраняя вход в Пекло.

– Хватит, – мягко сказал отец. – Теперь ты все понял? Ты идешь в тот лес потому, что туда ходил сам Богомудр.

– Значит, и ты там бывал, отец? – спросил Керк и сызнова потер правую бровь.

– Конечно, бывал, – ответил правитель. – Когда я родился, и на девятый день был отмечен знаком и выбран наследником. И еще в младенчестве был отвезен на Синь-камень – «всем камням – камень» и назначен престолонаследником. Но в пятнадцать лет, как и положено, в роду Богомудра, я пошел в Сумрачный лес и добыл себе древко для лука.

Керк посмотрел на отца с восхищением, потому как из рассказов много слышал о Сумрачном лесе и существах, населяющих его.

– Древко для лука должен добыть каждый мужчина из рода Богомудра, не только наследник. Ты, Эрих и Тур, – продолжил отец.

– Но Эрих и Тур не обладают магическими способностями и им, наверно, будет сложно выполнить задание, – заметил Керк и на лице его живописалось недовольство.

Ярил углядев то недовольство, чуть слышно хмыкнув, добавил:

– У них будет смелость и храбрость, сын, желание стать мужчиной, ну, и, конечно же, меч.

– Ну, как-то это не очень справедливо, отец... Ты не находишь? – и вовсе возмущенно протянул юноша. – У наследника и меч, и магические способности, а у его брата лишь один меч.

– Ты забыл еще про храбрость, – улыбнувшись, пояснил правитель. – А потом, я хочу заметить, что наследнику будет намного сложнее, ведь он видит Духов, а простому человеку они не всегда показываются. Поэтому, честно сказать – это еще неизвестно кому легче.

– Легче тому, кто видит лицо опасности, – разумно изрек Керк, рисуя своим воображением непроходимые чащобы леса, вспыхивающие зелеными да красными глазами духов и бродящего в них Эриха с одним с мечом в руках.

– О, мальчик мой, не кидайся так словами, может, ты сильно в том ошибаешься, – вздохнув, вымолвил отец, и, смолк, поколь испытывающе всматриваясь в сына и словно читая, на лице того, мысли. – Ну, а теперь, – продолжил Ярил, – на время оставим этот разговор и займемся учебой. Сегодня я хотел...

Впрочем, Керк, отвлекаясь от своих ведений, которые вызвали в нем легкую дрожь тела внезапно перебив правителя, чего не позволял себе никогда, тихо спросил:

– Отец, прошу тебя, ответь еще мне на один вопрос.

– Вопрос... ну хорошо, сын, последний вопрос и заниматься, – согласился Ярил, кивая головой.

– Мой вопрос непосредственно касается наших занятий, – Керк верно собираясь с мыслями и подбирая слова, мгновение молчал, а после заговорил, – просто, чем дольше мы занимаемся... Чем больше я узнаю заговоров, присух и оберегов, тем больше я не понимаю, почему ты, обладая такими знаниями и такой книгой, не смог меня найти раньше. Почему ты не воспользовался заговором «О похищенном человеке» или «О потерянном младенце», ведь эти несложные заговоры могли бы вернуть меня еще тогда, пятнадцать лет назад, когда я был очень сильно связан с тобой и ..., – юноша осекся, и затрепетавшим голосом досказал, – матерью. Объясни мне, пожалуйста.

– Керк, мальчик мой, – очень мягко начал правитель. – С самого первого дня, как мы стали заниматься с тобой магией, я ждал, что ты задашь мне этот вопрос. Но на этот вопрос, я не могу дать тебе точного ответа. Это только мои догадки. Ты же знаешь, что на свете существует не только белая – светлая магия, это та, которой учу тебя я, но существует и черная магия, магия зла. Много раз и я, и ведуны с Синь-камня пытались тебя разыскать, применяя то один, то другой заговоры, но все было безуспешно. Наверно, те, которые тебя похитили, наложили очень мощный заговор, такой который мы не смогли разрушить и через который не смогли пробиться. Наша магия оказалась бессильна, – отец глубоко и тяжело вздохнул, по-видимому, снова переживая те тягостные годы в поисках сына. – Поэтому после всех безуспешных магических поисков я отправил своих воинов на твои поиски. Я подумал, что скрыть знак первенца на руке будет невозможно и оказался прав. И если тебя устраивает мой ответ, то начнем тогда занятия.

Керк хотел было еще что-то спросить, он даже открыл для того рот, но отец прервал его знаком:

– Сынок, похитителей твоих я не нашел, кто и зачем это сделал – неизвестно. Но я думаю, эти люди еще проявят себя. И когда они себя проявят, я хочу, чтобы ты знал и умел, как можно больше. Не будем терять времени, до месяца листопада осталось не так много дней, а тебе надо узнать еще весьма много.

Керк посмотрел на правителя и увидел в его глазах такую заботу и тревогу, что согласно закрыл рот.

– Тогда начнем, – добавил Ярил.

Глава седьмая

Незаметно для юноши месяц червень сменился грозником, а за ним наступил третий летний месяц – серпень. Керк все больше и больше постигал науку магии, все крепче в руках держал меч и отражал атаки Храбра. За учебой и битвами не приметно накатил первый осенний месяц – вересень, совсем немного оставалось до испытания в Сумрачном лесу. И чем ближе был этот день, тем больше старался и трудился Керк, тем сильнее росло в сердце чувство, что он может провалить испытание. Раз он спросил у правителя на одном из уроков:

– Отец, а, что если я не смогу добыть древко. Что если я провалю испытание.

Ярил посмотрел на Керка внимательно и твердым голосом ответил:

– Нет, сын, ты не провалишь испытание. Ты обязательно его пройдешь, ты должен его пройти.

– Мне кажется, я плохо владею мечом, мало знаю магию. Отец, я боюсь, – прошептал Керк и опустил голову, чтобы правитель не видел его тревоги.

– Не страшись, мальчик мой, ты знаешь достаточно, чтобы выполнить испытание. У тебя есть дар в постижении магии. И я верю, что ты исполнишь предначертанное тебе, – заметил правитель и похлопал сына по лежащей на столе руке.

– А что, разве нельзя отложить испытание на год. За год я смогу научиться многому, и тогда, – взволнованно спросил он.

Но отец не дал договорить Керку:

– Нет. Не будем откладывать испытание. Я хочу, чтобы ты стал мужчиной в этом году, тогда в месяце травень на Синь-камне ты будешь назначен наследником. Я хочу защитить тебя, и поэтому испытание надо обязательно пройти. Тебе надо просто верить в себя, быть смелым и храбрым, и главное, ничего не бояться.

После этого вечера Керк больше не заводил с отцом разговоров об испытании. Он не изменил своего отношения к испытанию и считал, что его надо отложить, но не хотел расстраивать правителя и с ним спорить. За все то время, что Керк находился дома, он очень близко сошелся с отцом. И тот стал дорогим и необходимым ему человеком, правитель был очень умным и мудрым, и охотно делился своими знаниями с сыном, чем вызывал в нем уважение. Единственного чего не мог понять Керк – это каким образом назначение наследником может защитить его. Но вскоре ему представился случай раскрыть и эту тайну.

Это произошло в середине месяца вересень, отец за ужином объявил всем, что на десять дней покинет дворец, а за старшего оставит Керка. Данную новость мать и Эрих выслушали, молча, только средний брат еще сильнее насупил свои тонкие брови. Тур и Малуша радостно захлопали в ладоши, радуясь очередной победе старшего брата.

Назавтра отец уехал. А Керк, Тур и Дубыня выехали на лошадях в луг. Как всегда они пустили коней галопом, а потом долго упражнялись. Тур с луком, а Керк с Дубыней на мечах. Чуть позже, обессиленные и мокрые от пота, братья упали на стог сена, который хлебоборбы еще не вывезли с луга. Дубыня расположился рядом, чистя меч о землю и вытирая его сухой травой. Некоторое время все хранили молчание, но самый говорливый Тур, передохнув малеша, завел разговор с наставником:

– А это правда, Дубыня, что наш дед Лучезар назначил тебя дружинником к отцу перед его походом в Сумрачный лес?

– Нет, – сказал, скупой на рассказы, Дубыня, чуть помедлив. – Я вошел в его дружину уже после того, как он прошел испытание в лесу и стал мужчиной. А что?

– Просто я слышал, извини, конечно, твой разговор с Храбром. Вы рассказывали о трудностях испытания в Сумрачном лесу, и я подумал, что вы там тоже бывали, – объяснил Тур, взял длинную соломинку в руки и стал ее разламывать на мелкие кусочки.

– Нет, не бывали. Мы знаем об этом из рассказов правителя – вашего отца, – молвил наставник, продолжая чистить мечи.

– А – а, – разочарованно протянул Тур. – А, скажи, Дубыня, – немного погодя продолжил Тур, – А в походе на страну Игников ты участвовал.

– Конечно, участвовал. Ведь тогда вашему отцу было годков девятнадцать, двадцать. Дед ваш – правитель Лучезар прозванный народом Благородным, действительно был достойный и славный человек и правитель. Он мало того, что приютил принца, кстати твоего тезку, Керк, – отметил Дубыня и оторвав взгляд от сжатой в руке охапки сена зыркнул на старшего сына правителя. – Так воспитал его, как своего, и решил вернуть ему его законный трон. Керку исполнилось тогда семнадцать лет, он снарядил дружину и направился в страну Игников в главный их город Эмен. Дружина была большая, делилась, как и сегодня, на старшую и младшую. Стар-

шей командовал Лучезар, и она состояла из лучших и опытных воинов, а младшую возглавлял ваш отец Ярил, она состояла в основном из дружинников победивших на состязаниях и обученной молодежи, многие из них были сыновьями старших дружинников.

– А ты? – перебил его торопыжка Тур, да поднявшись с копны села, подался вперед телом, да так и замер, стараясь ни пропустить ни единого словечка.

– А я и Храбр, и многие другие были просто сильными воинами, которые как и положено победили на состязаниях в честь Бога Коляды, и вашим отцом были отобраны в дружину. В стране Игников правил тогда захватчик Эрих, отец вашей матери – правительницы Долы, – как бы смущаясь, сообщил Дубыня. – Ну, я думаю, вы об этом и сами знаете.

И он замолчал, обдумывая дальнейший сказ. Керк, до этого слышавший от отца только часть истории, даже заинтересовался повествованием Дубыни и весь обратился в слух. А наставник меж тем продолжил:

– Я помню, это было летом, по-моему, шел третий летний месяц серпень. Лето тогда выдалось сухое и жаркое. Мы подошли почти вплотную к городу Эмен, но ваш дед Эрих вывел свои войска навстречу. Понимал, хитрец, что осаду город не выдержит и сдастся.

Лучезар вызвал Эриха на поединок, чтобы выяснить, кто сильнейший и за кем Правда и Боги, чтобы, как сказал наш правитель, не лить кровь простых воинов. Но Эрих отказался, – Дубыня вздохнул и сказал, как отрезал. – Трус верно был, вот и прятался за спинами других. И когда сражение началось он отправил своих воинов на битву с дружиной Лучезара, а сам ждал в шатре исхода боя, полагая, что его конница сильнее. Но мы прямо-таки смяли их и обратили в бегство... Да, что ж и немудрено... ведь наших ратников вел ваш дед, ваш отец, да и сам принц Керк не отставал. Но Эриху не удалось уйти от наказания. Когда войска Эриха стали покидать поле боя, тот выскочил из шатра. Помню, стоял он на поле брани и держал меч, поняв, что в западне. Ваш дед Лучезар спрыгнул с коня..., – наставник помедлил, переводя дух, и словно сызнава переживая прошедшее время и жаркую сечу. – И начался поединок. Эрих прекрасно владел мечом, но Лучезар был сильнее. Вскоре Эрих пал от меча Лучезара... пал... Но подлый слуга Эриха пустил стрелу и попал в сердце Лучезара. Правитель наш даже не успел опустить меч, глубоко вздохнул и повалился замертво. Правда и трус, который пустил эту стрелу, тоже упал замертво, но что толку то, – протяжно выдохнув, закончил Дубыня.

– А этого подлеца, который убил деда, кто убил, что-то я не понял? – спросил Керк, покуда удобно возлежащий на копне сена.

– Да никто его не убил, магия его убила, – с сокрушенным сердцем ответил наставник, и откинул в сторону клочок сухой травы, зажатый в руке.

– То есть как магия? – переспросил Керк и недоуменно посмотрел на Дубыню, да и сам как младший брат, спешно привстал с копны и подался телом вперед.

– Ну как... ты, что не знаешь, что тот, кто убьет правителя или наследника, сам умрет в тот же миг, – пояснил наставник и вложил меч в лежащие рядом, на сухостое травы, ножны.

– Умрет в тот же миг? – повторил Керк, до конца не понимая смысл сказанного.

Дубыня изумленно созерцал юношу, а потом сказал, слегка понизив голос:

– Тебе что отец не говорил?

– Не говорил, – не понимая о чем идет речь, ответил Керк.

– Когда на Синь-камне будет сын правителя наречен наследником, на него спуститься оберег с небес, и он будет защищен магией от внезапной смерти. Всякий, кто, убьет престолонаследника или правителя, в тот же миг и сам умрет. Это же дар Богов. Я думал, ты знал, – произнес наставник и пожал своими мощными плечами, вроде и сам поражаясь такой неосведомленности будущего наследника.

– Нет, не знал, – протянул Керк, теперь наконец-то понявший, почему отец торопит его с прохождением испытания.

Тогда, если он станет мужчиной, и в травень месяц на Синь-камне его нарекут наследником, то жизнь его будет защищена магией. Вот, оказывается, о чем беспокоится правитель. И такое чувство тепла накатило на Керка, такое чувство благодарности к отцу.

Но отвлекшийся на собственные мысли, он был возвращен к действительности дальнейшим сказом Дубыни:

– Отец ваш вместе с названным братом вошел в Эмен, народ-то радовался возвращению законного принца Керка и приветствовал их. А у Эриха была одна дочь, ваша мать Дола, ей тогда пятнадцатый год пошел, она то и сейчас прекрасна, а тогда, как бутон розы цвела, красивая была. Правитель Ярил, как увидел ее, так сразу же и влюбился. Увез ее к себе во дворец, а когда ей исполнилось семнадцать лет, женился на ней. О... хо...хо... любовь...

После этих слов наставник еще муторнее вздохнул и замолчал, обдумывая что-то, но через некоторое время продолжил:

– Когда правитель увозил вашу мать, то с его разрешения она взяла с собой няню Селесу и верного слугу Нука. Тот оказалось, был когда-то воином, потом он обучал воинскому искусству Эриха. Отец ваш, когда об этом узнал, рассердился на жену и на слугу, после право молвить, отошел, но занятия Эриха и Нука прекратил. А я все же думаю, Нук занимается с Эрихом, потому что брат ваш знает такое, чему его ни Храбр, ни я не учили.

– А няня? – спросил Тур, зачарованно глазающий на наставника. – Няня матери, где она? Что-то я о ней не слышал.

– Няня... Так няня умерла. Когда Керка украли, так ее утром мертвой и нашли. Говорили, что ее похитители напугали до смерти. Но я думаю по-другому, – и Дубыня замолчал.

Керк внимательно посмотрел на наставника и еще более заинтригованный его словами, спросил:

– Ты думаешь по-другому почему?

– А, да это не важно, – отмахнулся наставник, и отвел в сторону глаза, обозревая просторную луговину, со скошенными на ней травами, а посему кажущуюся какой-то обездоленной.

– Дубыня, скажи, почему ты так думаешь? Мне важно знать твое мнение, – молвил Керк.

Юноша протянул руку вперед, трепетно пальцами обхватил плечо наставника и неслышно его сжал. Дубыня тотчас повернул голову и воззрившись на руку Керка, также медленно перевел взгляд и уткнулся в его голубые, словно раскинувшееся над ними небо, очи, да негромким голосом пояснил:

– Ну! Просто есть такое поверье, когда что-то темное творится, правитель пекельного мира Чернобог требует себе жертву. Вот и получается, что Керка украли, а в жертву принесли няню Селес.

– Принесли в жертву, ее что убили? – подскочив на месте, спросил ошарашенный Тур.

– Ну, не обязательно проливать кровь, если ты об этом, Тур. Убить можно магическим заговором, – и вовсе еле слышно произнес наставник.

– А разве бывают заговоры на смерть? – изумился Керк, впервые услышав такое, и почувствовал, как по его спине пробежал холодный озноб.

– Да, Керк, и не только на смерть. Я в свое время видел деревню, где люди из одного рода умирали от заговора черного ведуна. Страшно было на них смотреть. Сначала они худели до такой степени, что были видны кости, после кожа начинала темнеть, а потом начинали отпадать части тела – волосы, пальцы рук, ног. Страх, да и только! – горестно выдохнул наставник.

– И что, что дальше? – торопил Тур, требуя дальнейшего сказа, да чуть зримо вздрогнул.

– Дальше светлый ведун Велей с Синь-камня обрызгал их водой из молочной реки, прочитал заговор, и все прекратилось, – ответил ровным голосом Дубыня, и огладил свою белокурую бороду.

– Погоди, Дубыня, – теперь наставника перебил Керк, и недоверчиво покачал головой. – Откуда ведун взял воду из молочной реки. Ведь молочная река течет по волшебной стране Беловодья, считается, что из самого вымени небесной коровы Земун вытекает.

– Ага, – откликнулся Дубыня. – Вытекает. Так ту воду я и Храбр добыли, чтоб людей из беды выручить.

Керк, порывисто вскочил на ноги, глаза его округлились, а рот широко открылся, он уставился на наставника, и срывающимся от волнения голосом, переспросил:

– Погоди, погоди, Дубыня, но ведь добраться до страны Беловодья невозможно...

– Да нет, возможно, – тихо вздохнув и бросив взгляд на старшего сына правителя, да ухмыльнувшись, добавил Дубыня. – Только храбрый и смелый найдет туда дорогу, пройдет через все трудности, и если помыслы его будут чисты, то откроется ему вход в волшебную страну Беловодье.

– Вот это да! – воскликнул пораженный Керк, теперь он прямо-таки подскочил впритык к Дубыне, чтобы как можно лучше рассмотреть человека, который проявил чудеса доблести. Юноша был так взволнован, что несколько раз повторял одно и то же речение – «Вот это да!» так, что в конце концов вызвал улыбку у Дубыни и смех у Тура. Младший брат упал на спину и звонко засмеявшись, схватился за живот да покатился по земле. Глядя на хохочущего Тура, засмеялся и Дубыня, а затем и Керк.

– Ох...брат... ох... брат, – переведя дыхание, почти выкрикнул Тур. – Ну, видел бы ты себя со стороны. Ха...ха...ха...

– Ладно, заканчивай, Тур, – ничуть не обидевшись, заметил Керк. – Ты просто не представляешь, о чем рассказал нам наставник. Ведь в страну Беловодье не так-то легко попасть. Надо проплыть великую Ра-реку, Восточное холодное море, добраться до легендарного острова Буян и найти на этом острове страну Беловодья. Ого, да это ведь легенда!

– Нет, Керк, не легенда, – сказал, довольный восхищением своего ученика, Дубыня. – Мы там с Храбром были. Но путь туда правда опасен и труден.

После этих слов Тур немного присмирел, да наскоро поднявшись на ноги торжественно и гулко изрек:

– Знаешь, Дубыня, а я и не знал, что ты такой Великий Воин, это честь для меня, что я могу называть тебя своим учителем.

И Керк, согласно кивнув головой, добавил:

– Большая честь для нас обоих!

И оба брата – Тур, и Керк низко склонили свои головы перед бессмертным подвигом простого восурского воина.

Весь обратный путь домой братья лишь редко перебрасывались словами, каждый обдумывая рассказ Дубыни. Тур думал о том, что когда-нибудь он станет таким же славным воином, как наставник, отправится на остров Буян и привезет воды из молочной реки, чтобы освободить несчастных от темных заклятий. А Керк думал о словах Дубыни про няню Селес, про ее смерть и его похищение. И понимал, что наставник прав. Магия потому и не разрушилась от отцовских заговоров, оно как, по-видимому, была замешана на смерти няни.

Весь оставшийся день у братьев не было и минуты отдыха. Вернувшись с Дубыней с выкоса, они по-быстрому перекусили на Ратном дворе, куда Борщ принес им еду, и принялись упражняться на мечях. Теперь оба они по-другому смотрели на наставника Храбра, открывшие подробности его героического прошлого внушали не только уважение, но и трепет.

Вечер в отличие от удачного дня сразу не заладился. За ужином не оказалось Малуши, и когда Керк обратился к старшему слуге Сеничу с вопросом, где сестра, услышал, что девочка приболела и к ужину ее не будет. Мать и Эрих сидели на своих местах с такими лицами, словно собирались сделать, что-то ужасное. Над столом витала какая-то тревога. Керк хотел было совсем уйти из столовой, но глянув на поникшего Тура, пересилил себя и остался. На ужин он

попробовал лишь запеченного зайца и выпил немного горячего сбитня с расстегаями. Вечерняя трапеза, не в меру тихая, уже было подходил к концу, когда мать–правительница жестом приказала слуге выйти из столовой, а потом обратилась к старшему сыну:

– Керк, я хочу тебе кое-что предложить, – голос ее, как певучая песнь, пролетел по столовой.

Юноша поднял голову и взглянул матери в лицо, высказывая внимание и почтение, а та между тем продолжила:

– Я, как твоя мать, хочу, чтобы ты уступил свое первородство Эриху. Твой брат все эти пятнадцать лет воспитывался как престолонаследник. Я всегда считала, что только он может быть правителем после смерти отца. Ты же вырос в рыбацкой семье, и как бы ты не старался, не сможешь стать достойным правителем. Ты простой рыбак... ты не наследник... Я хочу, чтобы ты, пока отсутствует правитель... уехал. Я дам тебе золото... столько сколько захочешь...

Керк слушал мать, смотрел ей в лицо, и ему казалось, что говорит она эти слова лениво и, вроде бы даже как-то с неохотой, но когда она сказала о золоте, внутри него, что-то перевернулось, и он почувствовал боль и обиду. Стремительно поднявшись со стула, он резким взмахом руки прервал ее речь, и взволнованным голосом, ответил:

– Не продолжайте! Вы достаточно сказали, чтобы я мог понять, чего вы хотите. Я отвечу вам коротко. – Керк замолчал, чтобы подавить и унять, рвущуюся наружу, обиду и более спокойным, но твердым голосом, сказал, – нет, нет, и еще раз нет! Я никогда не уступлю первородство Эриху, и совсем не потому что ненавижу его, а потому как понимаю, за всеми этими кознями стоите вы. Как только я появился во дворце, я сразу почувствовал от вас не просто нелюбовь, я почувствовал от вас зло. Как может женщина ненавидеть собственное дитя? Я долго мучился от этого вопроса, а потом пришел к простому ответу. Вы не умеете любить... вы не любите никого, даже Эриха. Что вы хотите? Погубить меня, отца, брата или вообще весь наш род... И это вы женщина, которая подарила нам жизнь. Вы вкладываете в душу моему брату зло, уча его ненависти и нетерпимости. И поэтому я, никогда не передам ему наш престол! Не хочу и не могу я отдать свою горячо любимую Родину в руки брата, за которым стоит недостойный наставник.

Керк говорил свою речь на одном дыхании, смело смотрел в лицо матери и видел, как та внезапно побледнела, какая-то не живая, будто мертвецкая белизна покрыло все ее прекрасное лицо. Дола приоткрыла было рот, чтобы возразить, но в разговор внезапно вмешался Эрих, он тоже соскочил со стула, сжал руки в кулаки и, размахивая ими, яростно и зычно закричал, временами переходя на вопли:

– Ты, змей, как ты смеешь? Как? Как, погань... поганный рыбак?! – и затрясся в беззвучной злобе, потом рука его рванулась к поясу, на котором в ножнах находился кинжал.

Однако Керк опередил брата, он порывисто выкинул вперед руку, направил ее на Эриха и прошептал, вкладывая в каждое слово заговора, всю мощь своей души:

– Остынь и осядь! И водой плакучей умойся! Да будет слово мое крепко!

И, чудо, Эрих упал на стул, да морг спустя весьма гулко зарыдал, уткнувшись в ладони. Керк посмотрел на плачущего брата и тяжело дыша добавил:

– Брат, Эрих! Ведь мы с тобой одного рода, рода Богомудра. Зачем ты слушаешь неразумную молвь этой женщины, что пламенит в твоём сердце злобу и ненависть? – он поднял глаза на правительницу и сказал ей то, в чем сейчас был уверен. – Я знаю, кто стоит за моим похищением, за ним стоите вы. Я думаю, и отец об этом догадывается, но он слишком сильно любит вас. Я же свободен от любви к вам и вижу ваши помыслы насквозь.

Керк повысил голос и позвал слугу, а когда Сенеч вошел в столовую громко так, чтобы слышал рыдающий Эрих, изрек:

– Сенич, до приезда правителя я более не буду ужинать в белой столовой. Приноси мне ужин на Ратный двор, мне надо как можно больше упражняться, – затем он вышел из-за стола, обогнул его и пошел мимо рыдающего Эриха.

И в это момент Керк взглянул на Тура, который во время разговора, сидел по правую руку от матери. Младший брат весь, точно сжался в комочек, он склонил голову, выгнув дугой спину, превратившись в жалкого, обиженного старичка. Керк посмотрел в расстроенное лицо брата и добавил:

– Да, и Туру будете приносить ужин на Ратный двор. Ему тоже надо больше упражняться.

Услышав старшего брата, уже было совсем поникший, Тур радостно вскочил со своего места и кинулся вслед за Керком, выходящим из столовой. Как только за сыновьями правителя слуга закрыл двери, Тур нагнал старшего брата и обнял его сзади. Керк почувствовал как тягостно вздрагивает младший брат, он торопливо развернулся к нему, присел на одно колено, и, заглянув в его лицо участливо спросил:

– Ну, ты как?

– Я испугался, что Эрих убьет тебя сейчас, – ответил Тур и заплакал.

Керк крепко обнял брата, ласково погладил по спине и очень мягко молвил:

– Ты знаешь, я этого тоже испугался, но потом я вспомнил присуху, которую вчера выучил. И все так легко вышло. Ну, да ладно, все уже кончилось. Не плачь, Тур, не хорошо мужчине плакать.

– А я не мужчина, я пока еще мальчик, – всхлипывая, заметил Тур, и громко шмыгнул носом.

– Нет, ты мужчина, ты будущий воевода, а, значит, плакать не должен, – поправил брата Керк, и ладонью смахнул капли слез с щек мальчика. – Тур, я прошу тебя, – миг спустя, произнес он. – Только об одном, – младший брат пронзительно глянул на старшего. – Не говори, о том, что случилось сегодня в столовой, отцу, когда он приедет, хорошо?

– Почему? – успокаиваясь, прекращая плакать да шмыгать носом, спросил Тур.

– Не надо расстраивать отца, – негромко пояснил Керк и погладил брата по каштановым, непослушным волосам. – У него и так много неприятностей. Пусть это останется между нами. Это будет нашей тайной. Ладно?

– Ладно, – не очень понимая просьбу старшего брата, согласился Тур. – Хорошо, что ты меня не оставил ужинать с ними. А ты теперь куда? В светлую комнату... пойдешь, учиться?

– Нет, учиться я пойду позже. А сейчас я пойду, проведу Малушу, ведь ты слышал, что отец оставил меня за старшего, а это значит – я за всем должен следить и знать обо всем, что происходит в семье. Ты со мной? – предложил он брату.

– Нет, – отрицательно качну головой тот. – Я очень устал, пойду отдыхать.

– Ну, хорошо. Тогда я тебя провожу, – сказал Керк, поднявшись с колена.

Братья направились вверх по лестнице на второй этаж. Где в длинном и узком коридоре по левую стороны от лестницы находились опочивальни Тура и Эриха, а с правой Малуши. Тур повернул в полутемный коридор и направился в свои покои, пожелав на прощание брату, доброй ночи. А Керк двинулся в опочивальню сестренки.

Подходя к покоям Малуши, он увидел выходящую из дверей, няню Бажену и окликнул ее:

– Бажена...

– Ах, ваша милость, вы пришли? А я иду к правительнице. Малуша-то наша приболела и хочет видеть матушку, – медовым голосом протянула старушка.

– Ну, что ж, сходи, Бажена... сходи. А я пока побуду у Малуши, она там с кем? – спросил юноша да услышав о матери нахмурился, легкой волной пробежало обидчивое трепетание по его губам.

– Она с няней Радой, – ответила Бажена, и, поклонившись, проследовала мимо него по коридору к лестнице.

Керк открыл дверь и зашел в покои сестры. В опочивальне девочки правил полумрак, в середине покоев стояло маленькое ложе Малуши, на котором, раскинув ручки, лежала сестра. Навстречу Керку, поднялась со скамейки женщина пожилая, с добрыми чертами лица, она улыбнулась сыну правителя, и тихонько обращаясь к девочке, сказала:

– Свет наш, Малушенька, посмотрите, брат старший к вам пришел, проведать вас.

Керк неторопливо подошел к ложу и увидел, что сестренка не спит, а задорно улыбается ему:

– Здравствуй, Малуша, как ты?

Девочка захлопала длинными ресницами и, вздохнув, сказала:

– Да вот, ножки вчела помочила и тепель болею. Голова болит, ножки.... ножки тоже болят.

Керк протянул руку, потрогал лоб сестры, каковой был слегка горячеватым, и, наклонившись, нежно поцеловал девочку в пухлую щеку, да присев на ложе, чуть зримо покачивая головой, поинтересовался:

– Это плохо, что ножки с головкой болят. А где же ты вчера ножки помочила?

– Да, я в прудик залезла, – лукаво глянув на няню Раду, откликнулась сестра и звонко засмеялась.

– Ах, ваша милость, – запричитала Рада, всплеснув руками. – Такая она баловница – наша Малуша. Залезла вчера в прудик и ножки помочила, а ведь на улице уже не лето, а осень.

– Ну, ничего. Ничего, – оправдал юноша сестру, оправляя на ее головке длинные белокурые локоны. – Малуша больше не будет, правда?

Девочка кивнула головой и по-озорному зыркнула на старшего брата так, что тот сразу понял, Малуша обязательно, стоит ей выздороветь, еще раз залезет в тот прудик.

– Не будешь? – переспросил Керк и ласково поцеловал ее горячеватую ладошку.

– Не буду, – улыбаясь проявленной нежности, ответила Малуша, да широко, устало зевнула.

Керк поднялся с ложа, стараясь избежать встречи с правительницей в опочивальне сестры, и уже было направился к выходу.

– Ты уходишь? – останавливая его, протянуло опечаленно девочка, и заплюхала вверх... вниз ресничками.

– Да, я ухожу. Мне надо учиться, но завтра я приду, чтобы проверить, как ты себя чувствуешь, – сдерживая свою поступь, откликнулся Керк, и, наклонившись снова поцеловал сестру, а Малуша обхватила своими маленькими ручонками шею брата и крепко-накрепко чмокнула его в губы.

– Выздоровлявай! – нежно сказал ей Керк.

– А ты завтра точно плидешь? – спросила девочка, выпуская из объятий шею брата.

– Обещаю, – молвил Керк, и, развернувшись, неспешной пошел к дверям.

Но около двери юноша снова остановился, и, качнул головой, подзывая тем самым няню к себе. Рада шаркая ногами, медленно приблизилась к сыну правителя, и, уставившись в его лицо, замерла, вслушиваясь в распоряжения.

– Если Малуше ночью будет хуже, – негромко произнес Керк, поколь не сводя взору с сестренки, вскидывающей вверх ручонки и ударяющей кулачками по ложу. – Придите ко мне, – и улыбнулся непоседливости девочки.

– Слушаюсь, ваша милость, – кивнула головой няня и улыбнулась в ответ.

Весь оставшийся вечер Керк посвятил магии. Отец уезжая, дал ему задание – выучить некоторые обереги и присухи. И он, четко повинаясь указаниям отца, учил обереги. Но в этот вечер обереги давались тяжело. Он все время мысленно возвращался к происшедшему в сто-

ловой и не мог сосредоточиться на учебе. Единственное, что хорошо уяснил в этот вечер... это то, что мать, не хочет видеть его наследником престола. Керку хотелось рассказать отцу обо всем, что случилось сегодня, да только не желалось ему тревожить и расстраивать правителя. И потом было тяжело признать, что их мать... мать, которая дала жизнь и ему, и Эриху, и Туру, и Малуше, способна на такие слова и действия. Одно дело думать и подозревать, а другое дело сказать об этом отцу вслух. И Керк опять пришел к выводу, что лучше об этом совсем не вспоминать, забыть и ничего не говорить правителю.

Когда, наконец-то, обереги были выучены и даже испробованы, юноша закрыл книгу и вышел из комнаты. Да первое, что увидел в коридоре, это, прилегшего на скамейке и уже дремавшего, слугу.

– Борщ, ты, что тут делаешь? – возбужденно изрек Керк, и, протянув руку потрепал слугу за плечо.

Борщ открыл глаза, и поднял голову, оторвав ее от скамьи, а увидев сына правителя стремительно вскочив на ноги, ответил, при этом широко зеваючи:

– Ваша милость, как, что я тут делаю? Жду вас. Ваш отец, правитель, Ярил перед отъездом вызвал меня к себе и приказал, чтобы я каждый вечер зажигал факел и провожал вас до дверей ваших покоев, – слуга суматошливо снял из укрепления на стене факел, и, освещая путь повел сына правителя по коридорам.

Керк шел по коридору к своей опочивальне и благодарно думал об отце, который все предусмотрел, уезжая. Приказав слуге провожать сына до покоев и наложив заговор на опочивальню, так чтобы туда никто кроме Керка, отца, Тура и слуги не мог войти. Борщ проводил юношу до покоев, открыл дверь, зажег свечи в канделябрах, и, вставив потушенный факел в укрепление в стене, поклонился и вышел, напоследок пожелав доброй ночи. Керк медленно разделся и устало лег на ложе, не потушив свечи, думая и переваривая происшедшее за день. Он лежал и рассматривал свои покои, где кроме ложа стояли два небольших стола. Один из них поместился подле самого ложа, на нем Борщ оставлял, блюдо с едой по утрам, а другой, стоял напротив, на нем ставился таз для умывания. В покоях также находились два сидения со спинками устланные небольшими коврами. Скромный и простой быт точно такой, же какой царил и во всем дворце. Незаметно, за разглядыванием быта и тяжелыми думами, сами собой сомкнулись усталые очи Керка, и навалился сон.

Густой, плотный, словно стена, туман поплыл пред глазами юноши, на тело навалилась такая слабость, и, его вроде как качнуло взад–вперед. А потом нежданно кто-то сильно потряс Керка за плечо, дунул в лицо и туго надавил на грудь. Послышались тихие причитания:

– Хозяин, хозяин проснись, проснись, пробудись...

Керк резво открыл глаза, и увидел перед собой доброжила. Дух стоял на груди юноши, лихорадочно мотылял руками и словно утаптывал место под собой.

– Пробудись, пробудись хозяин, – шептал старичок, а юноша меж тем сызнова сомкнул отяжелевшие веки.

Преодолевая сон Керк, живо сел, и также стремительно открыл глаза, доброжил тотчас кубарем скатился с его груди на колени.

– О, прости, доброжил, – заспанным голосом молвил сын правителя и перекошено зевнул. – Я не хотел тебя обидеть. Просто не могу глаза разлепить.

Кряхтя, старичок поднялся на ноги, и его маленькое волосатое лицо оказалось как раз напротив лица Керка. Юноша заглянув в черные глаза духа, и увидел там беду.

– Что, что случилось, добрый хозяин дома, доброжил? – испуганно воскликнул он.

– Беда, беда, хозяин, – спрыгивая с колен, запричитал домовый. – Одевайся скорей и беги... беги к сестре Малуше, ей очень плохо.

Керк, услышав ту страшную весть, немедля соскочил с кровати, и порывисто принявшись одеваться, дрогнувшим голосом спросил:

– Как же плохо?... Почему же няньки не пришли?... Ведь я их предупредил...

– А что няньки? – шептал старичок, да развел махонисто свои короткие ручки. – Они, что... Им правительница запретила к тебе ходить.

Керк подбежал к стене, снял оттуда факел и, от еще недогоревшей свечи, попытался зажечь его. Но свеча, лишь до нее дотронулся черное наверху факела, потухла. В темноте юноша усиленно пытался вспомнить присуху, которую говорил отец, разжигая свечи в светлой комнате. Но на помощь ему пришел домовый, он вдруг раскрыл свою ладошку, и на ее волосатой поверхности заплясали языки пламени, опочивальня ярко осветилась. Юноша спешно подскочил к ложу и пронзительно глянул на доброжила, испрашивая разрешения, и домовый, улыбнувшись, в знак согласия кивнул головой. Факел мгновенно вспыхнул, а Керк выскочив из покоев, что есть мочи побежал по коридорам и лестницам к опочивальне Малуши.

Дверь в покои сестры была открыта, и в коридоре, и в самой опочивальне горели свечи. Не добежав немножко до комнаты, сын правителя перешел на шаг, и надрывно несколько раз выдохнул, стараясь отдышаться. А когда оказался в дверях в опочивальню девочки, уже сладил с беспокойным дыханием.

У ложа Малуши сустились Бажена и Рада, они вскрикнули при виде Керка и, радостно всплеснув руками, кинулись к нему. Но он, не говоря не слова, указал им на дверь, няни также молча, вышли, из покоев сестры, притворив створку за собой. Керк подошел к ложу девочки и посмотрел на нее, та лежала с раскинутыми в разные стороны волосиками, ручками да ножками и тяжело дышала. Юноша протянул дрожащую от беспокойства руку и притронулся к Малуше, та была горяча... да не просто горяча, а будто объята нестерпимым жаром. Девочка тихонько постанывала во сне, ее тонкие веки слегка трепетали, ручки и ножки судорожно вздрагивали. Затушив и вставив факел в укрепление в стене, Керк медленно опустился на край ложа. Убрал волосики с лица девочки, и, взяв ее ручки в свои, весь ушел в себя. Такой заговор он проводил впервые, и надо было успокоить дыхание, собраться с мыслями и вложить в них живое слово, чтобы помочь Малуше.

Через некоторое время Керк зашептал: «Как от бел-горюч камня, из-под камня камней Алатырь-камня, да по всей Мать-Сыра-Земле побегут воды светлые, воды чистые, воды живительные. Подымусь поутру, по утренней Заре, когда выкатит Хорс-красно солнышко из-под синего неба. Поклонюсь я в пояс Богу Солнца, поклонюсь я в пояс Мать-Сыра-Земле, поклонюсь я в пояс Алатырь-камню. Дай ты мне, отец всех камней Алатырь-камень, живой воды. Дай ты мне, Мать-Сыра-Земля, да сырой земли. Дай ты мне, Хорс-красно солнышко, да света светлого да лика ясного. Да умою теми водами я младенца Малушу. Да утру сырой землей я младенца Малушу. До окачу светом светлым, да ликом ясным я младенца Малушу. И спадет тотчас и боль, и невзгода, и жар, и ломота. И спадет и пройдет. Заговариваю я, Керк, сим твердым моим заговором младенца Малушу, дочь Ярила и Доны. И мой заговор крепок, как сам камень-Алатырь. И слово мое верно!»

Когда Керк произнес последнее слово, дыхание Малуши немного выровнялось, пот проступил на лобике. Взяв с маленького столика, притулившегося к ложу, полотенце, юноша бережно утер сестренку, да вновь потрогал ее лобик. Тот был еще горяч, а, значит, заговор не сработал в полной мере. Керк понимал, что в этом виноват он, ведь он так сильно волновался, у него так дрожал голос, и не мудрено, что заговор не подействовал.

Поднявшись с ложа, сын правителя прошелся по опочивальне взад-вперед, понимая главное, что только человеку с сильной волей удастся использовать заговор по назначению. И опять вспомнил слова отца: «Сила заговора в том, чтобы сделать живой эту мысль». Керк приблизился к ложу Малуши и сизнова присел подле сестренки. Он ласково посмотрел ей в лицо и почувствовал такую нежность и умиление, что слова заговора сами вырвались из уст: «Как от бел-горюч камня... И слово мое верно!» – закончил он. И в тот же миг, как сказал он послед-

ние слова, жар спал, дыхание выровнялось, сестренка открыла глазки и, приветливо глянув на брата, сказала:

– Блатик, ты пришел... а-а, – зевнула Малуша, повернулась на бочок и добавила. – Спой мне песенку.

Керк широко улыбнулся да обрадовался, и тому, что жар спал, и тому, что непосредственное дитя просит его спеть песенку, он поморщил лоб, вспоминая колыбельные песенки, какие пела тетя Ждана, а после затянул вполголоса:

– А баиньки – баиньки,
В огороде зайчики,
Зайки травушку едят,
Малуше спаточки велят.

Керк припомнил еще парочку таких же песенок, а когда допел последнюю, сестренка спала крепким, здоровым сном. Он поднялся с ложа, стараясь не шуметь подошел к стене, и, взяв из укрепления факел, наконец-то, вспомнил присуху для разжигания огня, да тут же ее опробовал: «А возьму я искру да золотую от Семаргла – Бога Огня, а взмахну я ей, да покатаются из нее искры падучие, да как по взгляду Бога Огня разгорается огонь, так падут искры на этот факел, и вспыхнет он ярким светлым светом. Да так и будет». Да так и стало, запылал факел светом, а Керк обрадовано засмеялся и пошел из Малушиной опочивальни.

За дверями его ждали няни: Рада и Бажена, они с надеждой глянули на довольно улыбающегося сына правителя и кинулись к ложу Малуши. Керк остановил рукой Раду, глянул в ее доброе, заботливое лицо и спросил в полголоса:

– Почему за мной не послали?

На глаза Рады накатились слезы, она всхлипнула и опустила голову, да тихо добавила:

– Правительница не велела.

– А если бы Малуша, – Керк осекся и, не договорив, грозно посмотрел на Раду.

Та, поняв не договоренное, в страхе замотала головой, и чуть слышно туго дохнула, принявшись утирать выступившие на глаза слезы.

– Правитель Ярил оставил меня за старшего именно потому, что я владею магией, – пояснил Керк. – И жизнь Малуши дороже страха. Если правительница узнает, что я был здесь ночью, скажешь ей, что меня предупредил доброжил, – он немного подумал, и, вздохнув, заметил, – не делайте больше так, Рада, – и пошел по коридору к себе в опочивальню.

Этой ночью Керку так и не удалось хорошо поспать, потому что, придя в свои покои, он застал там доброжила. Тот сидел на его ложе и ласково поглаживал свою лохматую шапку, которую пристроил на колени. Войдя в опочивальню, сын правителя, неспешно прикрыл за собой дверь, и в знак приветствия низко поклонился доброжилу.

– Добрый дедушка домовый, хозяин, доброжил, незримый хранитель домашнего очага и помощник хозяев, – с должным почтением молвил юноша. – Благодарю тебя за твою бескорыстную помощь, за спасение жизни сестры моей Малуши.

Доброжил поднялся на ножки, поклонился в ответ сыну правителя и не менее почтительно сказал:

– О, добрый хозяин, не я, а ты спас сестру свою Малушу.

Керк устало приблизился к ложу и не сводя взору с добродушного лица домового, произнес:

– Ах, доброжил, чтобы стоил мой заговор, если бы ты вовремя не пришел и не разбудил меня. Ведь няньки бы так и не пришли. Они бояться повелительницы, – он немного помолчал, провел ладонью по лицу, точно стараясь смахнуть оттуда одолевающий его сон и досказал, – не понимаю, чего она добивается.

– Кхе..., – закричал домовый. – Не понимаешь? Да она хочет тебе навредить. Ведь правитель в отъезде, ты старший, а сестре не помог, так бы получилось.

– Но разве можно так поступать и подвергать опасности жизнь Малуши. Неужели я прав в своих подозрениях? – усталым голосом протянул Керк.

– Это ты о то, что она собирается весь род Богомудра извести? – переспросил дедушка доброжил.

– Ну, да, об этом, – надсадно вздохнув, ответил Керк, и сев на ложе начал снимать с себя сапоги.

– Так я уверен, что она этим и занимается. Вон и Эрих, ведь брат твой единокровный, а как тебя ненавидит. А, что она тебе предложила сегодня, – и возмущенный старичок закричал, да опустился на ложе подле юноши.

Керк пристраивая сапоги на полу,伸直了 spine и наполненным печалью голосом, заметил:

– Знаешь, дедушка доброжил, я когда на нее смотрю, не вижу матери, вроде, кажется мне, и доброго то ничего в ней нет.

– Что есть, Керк, в ней, то ты и видишь. Эхе...хе.... Жалко так мне тебя. Не такой ты матери заслужил. Вот бабка твоя – жена Лучезара Радмила была заботливая и милая, и сыновей своих любила и приемыша Керка. А как Долу отец твой привез из похода, как глянул я на нее, так и увидел на ней печать смерти. Уж и мать Радмила, и я, Ярилу говорили, что бы одумался, другую взял из вашего рода племени, а он нет... люблю и все, – домовой не менее чем юноша горестно вздохнул и тряхнул своей мохнатой шапкой, укладывая ее ровненько на вытянутые ноги. – А знаешь, она хоть и маленькая была, а уже тогда все козни строила. Над матерью Ярила смеялась... почтения не высказывала... уважения не проявляла. Плохая, плохая она! Она, кроме отца своего, – и старичок при этих словах почему-то перешел на шепот, словно их могли услышать. – Никого не любила, скажу я тебе, – да маленькими умными глазками посмотрел на сына правителя.

– Ну, хоть отца своего любила, и то хорошо, а что ты думаешь, она из-за отца своего к нам так относится? – недоговаривая своих мыслей, и точно пугаясь их, спросил Керк.

– Она не просто плохая...она еще даже умная, и хитрая. А в женщине ум и хитрость, да приправленная красотой, страшная сила, – не слыша вопроса Керка, сказал домовой вроде, как разговаривая сам с собой, и чуть громче, уже обращаясь к сыну правителя, заметил. – Да тока уже слишком поздно хозяин, а у тебя завтра длинный, и трудный день. Поэтому спи... спи, хозяин, – и старичок легонько подул в лицо юноши.

И стоило тому легкому ветерку коснуться усталых глаз Керка, как они суматошливо сомкнулись, юноша тяжело покачнулся, да стремительно повалившись на ложе, тотчас крепко-накрепко заснул.

– Спи... спи, хозяин, – горестно выронил доброжил. – Я когда увидел тебя впервые, сразу узрел на тебе печать страданий. Но пока до них далеко, пусть сон твой будет спокойным.

Глава восьмая

Как и обещал правитель, он возвратился во дворец через десять дней. И потекла жизнь по-прежнему руслу: утром конный выезд с Дубыней и Туром, днем упражнения с Храбром, вечером ужин в столовой, а после уроки по магии с отцом.

В-первое же занятие правитель похвалил Керка за излечение Малуши и, смеясь, поведал, как дочь ему об том рассказала:

– Тятя, а блатик тоже шептал, шептал надо мной, ну плямо как ты, потом замолчал, походил, походил, сел и опять зашептал. Я лежала смилно, как ты меня учил. А потом мне так холошо – холошо стало. И не стало жалко, и головка, и ножки не болят... Он еще песенку спел, и я уснула... а ты не поешь песенки. Почему? А песенки холошие были. Даже Бажена и Лада такие холошие песенки не поют. Ты ему скажи, чтобы он плиходил и пел песенки. Ладно?

И Керк тоже рассмеялся непосредственности сестренки. Видно было, что отец не только доволен поступком сына, он прямо-таки горд им, и правитель не преминул об этом сказать:

– Знаешь, мальчик мой, я не просто благодарен тебе за то, что ты вылечил Малушу, я тобой восхищен. Ты занимаешься магией несколько месяцев, а показываешь небывалые успехи. И если кому-то нужны годы, то ты запоминаешь и можешь использовать обереги и заговоры в их полной силе уже сейчас. Я сразу заметил, что у тебя невероятные способности, но теперь, если честно... я потрясен.

– Отец, может ты, просто преувеличиваешь мои дарования. Ведь сестренке я смог помочь только со второго раза, – негромко вымолвил Керк и смущенно потупил взор.

– Так вот и я про это же.... Первый раз я смог попробовать этот заговор, когда мне было восемнадцать лет, а моя учеба, не в пример твоей, шла с шести лет, и мне он не удался ни в первый, ни во второй, ни в пятый раз... Ведь это очень тяжелый заговор. И не всякому он поддается и на десятый раз. Ты уж мне поверь. – Отец замолчал, что-то обдумывая, внимательно посмотрел на сына, и добавил, – у тебя поразительный дар... нет, никаких сомнений... дар... Но до испытания осталось лишь четырнадцать дней, и я хочу дать тебе как можно больше.

Правитель достал из ножен и положил на стол кинжал. Это был небольшой, с крепким отливающим зеленым светом клинка, кинжал, рукоятка его была выточена из моржового клыка и украшена затейливым рисунком да некрупным изумрудом и россыпью янтаря.

– Это твой кинжал, сын. На испытание ты можешь взять кинжал и меч. Меч ты выберешь по жребию, а кинжал возьмешь свой.... И этот кинжал отныне принадлежит тебе. Когда-то его, перед испытанием в Сумрачном лесу, мне вручил мой отец Лучезар. Есть поверье, что давным-давно он принадлежал самому Богомудру, и тот с ним ходил в Сумрачный лес. Поэтому я отдаю его тебе сейчас, чтобы в дальнейшем, когда придет время, твоему первенцу идти на испытание, ты передал его ему. – Ярил на миг прервался, и, придвинув кинжал к рукам сына, продолжил, – этот кинжал не простой, в нем заключена магическая сила. Куда бы ты ни попал, как бы ты не заплутал, воткни его в тропинку, прямо за своими ногами, произнеси заговор, и тропа приведет тебя туда, куда надо. Тебе нужно только выучить заговор.

Последние дни перед испытанием отец уделял повышенное внимание магическим занятиям с Керком. Иногда даже занимался с ним утром и днем, освобождая его от конных поездок и ратных упражнений. Правитель чувствовал и видел успехи сына в магии и пытался научить его большему.

Меж тем день испытания приближался...

Этим утром Керк проснулся необычайно рано. Бог Солнца Хорс еще не начал свой дневной путь по небу, он еще даже не пробудился. Сын правителя лежал с открытыми глазами и, уставившись в темноту, думал о надвигающемся дне. Сегодня они приступали с Эрихом к испытанию. Чтобы добраться до Сумрачного леса нужно потратить пять дней на дорогу. И на нынешнее утро был назначен отъезд. Разные чувства посещали Керка теперь, и страх провалиться испытание, и сомнения в собственных магических и физических способностях, и вообще.... Он знал, что в Сумрачном лесу встретит иных духов...

Духов леса, болот, озер...

И это не домашние духи, такие как доброжил, баенник, амбарник, дворовой, овинник – духи, которые хоть и могут наказать нерадивого хозяина или хозяйку, все же живут и зависят от них.

Духи лесов, болот, рек, озер в основном были суровыми, сердитыми, и нетерпимыми. Вот, к примеру, боровой, хоть и живет в светлом бору, а похож на страшного, лохматого медведя, и коль попадешь к нему в лапы, задерет и человека, и зверя. А чего стоит пушечик, какой, властвует в непроходимой чащобе. Сверкающие очи, косматые зеленые волосы, и прикидывается он, то кустом колючим, то корягой, а руки у него, как сучья, так и норовят глаза выколоть. А уж про лешака и подумать страшно. Он хозяин леса и зверей, только злобный

хозяин. Пугает людей, сбивает их с пути. Попади к нему в сети и погибнешь. Есть, правда, и добрые духи. Например, дед Лесовик, он со своими помощниками – колток, деревяник, стебловик, ягожник, грибок – за лесом ухаживает, порядок наводит.... Да... много... много всяких духов лесных, озерных, болотных живет по вольным землям Восурии! С кем предстоит встретиться ему – кто знает!

Вдруг Керк ощутил, что на ложе кто-то появился, и хотя в опочивальне было темно, но он уже догадавшись кто это, тихонько спросил:

– Доброжил, здравствуй, ты пришел?

– Нет, хозяин, это не доброжил, это я дворовой. Зажги, пожалуйста, свечи, мне надо с тобой поговорить, – негромко пропыхтел в ответ хозяин двора.

– Да, сейчас, – торопливо отозвался на просьбу Керк.

Юноша протянул руку в ту сторону, где должен был находиться канделябр со свечами, и произнес присуху. И в тот же миг свечи ярко вспыхнув, загорелись. Керк захлопал глазами и увидел, что на краю ложа и впрямь восседает дворовой.

– Здорово у тебя – это получается, – довольно кивнул в сторону канделябра, молвил дворовой.

– Здравствуй, хозяин двора и всех домашних животных. С чем ты пожаловал ко мне? – склонив голову в поклоне, спросил сын правителя.

– Здравствуй, добрый хозяин. Я кое-что тебе принес, – поспешно ответил дворовой.

Дух суетно засунул руку к себе запазуху и достал оттуда лоскуток льняной ткани. Хозяин двора уважительно положил ее на ложе и, нежно расправив, что-то пробормотал. Лоскуток вдруг на глазах дрогнул, точно живой шевельнулся, его углы встрепенулись, и, раскрывшись, он превратился в чудо-скатерть.

– Догадываешься что это? – спросил дворовой.

От изумления и неожиданности у Керка увеличились глаза, и он, задыхаясь от восторга переполнившим легкие воздухом, изрек:

– Да не, уж-то скатерть-самобранка?

– Она... она самая... самобранка, – довольно поглаживая скатерть по тканевому белому полотну, на коем были вышиты яркие голубые, полевые цветы, заметил хозяин двора. – Она у меня очень долго хранится, много-много времени. Еще с тех пор как я в другом доме дворовым служил. Ее какой-то подгулявший воин обронил, я уж и не помню, кто это был... Время все стирает, особенно имена.... Мне, то она без надобности, я ее так... как магическую вещь, хранил, так уж у нас заведено. Но я решил, что тебе, она в походе нужнее будет, ведь ты у нас рыбу ловил, а вот на зверя не охотился. Тебе, там, на испытании тяжело будет.

– Да, нет, отец мне обучил присухам, чтоб дичь подманить, – проговорил, восхищенно обозревая скатерть, Керк. И поспешно, чтобы не обидеть дворового, добавил, – но я буду очень, очень рад, если ты мне дашь на время скатерть.

– Нет, хозяин. Ты меня не понял, я тебе не дам скатерть, я тебе ее подарю навсегда. Ты ко мне только поближе наклонись, и я тебе слова заветные скажу, – и когда сын правителя, наклонившись, приблизил свою голову к голове дворового, тот тихонько зашептал ему на ухо. – Ах, ты, скатерть-самобранка, развернись, распрямись, да меня, доброго молодца, накорми, напои, подчинишься именем могучего скотьего бога Велеса, – закончил дух, и на чутках стих, давай возможность юноше запомнить слова. – А когда потрапезничаешь, – дополнил он немного погодя, – прикажи ей просто: «Свернись». Запомнил? – спросил дворовой.

– Запомнил, добрый дворовой, – ответил Керк.

– И помни, хозяин, слова надо говорить все, нельзя выбрасывать не одного слова, а так же нельзя прибавлять слова по своему усмотрению, – и дворовой пронзительно глянул на сына правителя, своими маленькими черными крупинками глаз.

Керк еще раз повторил про заветное и, кивнув головой, молвил:

– Все понял и все запомнил.

– И еще, – добавил дворовой. – Никогда и никому не показывай скатерть, не раскрывай ее при посторонних глазах, иначе она потеряет свои магические силы.

Сын правителя сызнова кивнул головой, и голосом наполненным благодарности, сказал:

– Как мне, добрый дворовой, отблагодарить тебя за твой дар?

Дворовой ласково посмотрел на Керка, склонил голову на бок и сказал:

– Пройди обязательно, пройди испытание. Это и будет твоя благодарность. Счастливого тебе!

И в тот же миг исчез с ложа, словно растворился в воздухе, оставив после себя лишь пару, вспыхнувших белым светом, искорок. После того как дворовой, оставив свой дар, покинул опочивальню сына правителя, Керк аккуратно сложил скатерть, и она вновь превратилась в льняную тряпицу. Он, было, хотел прямо сейчас ее опробовать, но удержался, чувствуя, что подарки еще не окончились. И точно, на смену дворовому прибыл винный жихарь. Дух появился на том самом месте, где только что находился его собрат, и негромко чихнул, затем поднял свою голову, и добродушно посмотрев на Керка, молвил:

– Здравствуй, хозяин.

– Доброго здоровья тебе, винный жихарь, – ответил сын правителя, всматриваясь в лицо овинника, чертами который напоминал барашка. – Хранитель хлеба от бед и напастей, с чем ты пожаловал ко мне?

– Я принес тебе дар – лутовку, – сказал жихарь и раскрыв ладошку переложил с нее на ложе, очищенный от коры, кусочек липового дерева в виде восьмиугольника.

Лутовка была закреплена на тонкой свитой пеньке.

– Знаешь, что это? – спросил винный батюшка, не сводя своих глазиков с лутовки и вроде как любуясь ей.

Керк отрицательно замотал головой.

– Это старинный оберег, называется лутовка, – принялся пояснять жихарь. – Одень его на шею, когда пойдешь в Сумрачный лес. А если поймешь, что леший тебя сбивает с пути, или увидишь его, покажи ему лутовку, и он сразу оставит тебя в покое.

– Овинушко, добрый мой дух, – восторженно сказал сын правителя, и нежно посмотрел в баранье личико жихаря. – Чем я заслужил от тебя этот дар и как могу тебя отблагодарить?

– Благодарить меня не надо. Я принес тебе этот оберег, потому что вижу чистое и доброе сердце. И только такой человек может получить лутовку от винного жихаря. А тебе я желаю пройти испытание и вернуться с древком. Счастливого пути! – и дух исчез с ложа так же стремительно, как и появился.

Керк протянул руку, осторожно взял лутовку, и нежно погладил ее по деревянному, гладко выструганному полю, да одев на шею пеньку, спрятал под ночную рубаху тот дар. А когда поднял глаза, увидел домового. Доброжил сидел на ложе и посмеивался, глядя на довольного сына правителя.

– Кхе-кхе. Гляжу я, тебе понравились дары дворового и винного жихаря, – отметил, покашливая он.

– Еще бы! – восхищенно и одновременно благодарно ответил Керк. – А ты откуда ведаешь про их дары? – не преминул поинтересоваться он.

– А то, как же, они мне сегодня все рассказали. Сначала дворовой мне, как старшему брату, прошептал, а потом и овинник про лутовку рассказал. А ты знаешь, хозяин... что каждый овинник долгие годы делает вот такую лутовку и после хранит ее, вкладывая в нее сильнейшую магию Бога Велеса. Бога, от которого мы – Духи и переняли свою силу. А потом он дарит лутовку лучшему из людей, тому, которого выберет. У того, у кого чистое и доброе сердце, кто скромнен и справедлив. Так-то!.. – Доброжил заерзал на месте, покачивая плечами и головой из стороны в сторону и, кряхтя, добавил, – он дюже долго хранил эту лутовку... Дюже... Много

лет... десятилетий и надо же выбрал тебя. – Старичок посмотрел своими маленькими умными глазками в лицо юноши, улыбнулся и договорил. – значит это действительно ты!...

– Что я? – не поняв утверждения домового, переспросил Керк.

– Ты величайший ведун будешь.... Потому что овинники дают лутовки только великим ведунам. Они, овинные жихари, будущее видят. Понимаешь? – не менее торжественно заявил доброжил.

– Если честно, с трудом... тебя понимаю, – пожимая плечами, откликнулся Керк, и погладил пальцем тающуюся под рубахой лутовку. – С трудом...

– Овинник, – принялся пояснять домовый. – Увидел твое будущее, и в нем ты станешь великим ведуном... великим ведуном... и необычайным человеком... Только поэтому он и подарил тебе лутовку. Ведь, если ты заметил, то лутовка имеет форму восьмиугольную, как и перстень Богомудра, – добавил доброжил и радостно потер ладошки меж собой.

Керк торопливо отодвинул материю рубахи в сторону, и, воззрившись на свою грудь, углядел восьмиугольное поле лутовки, юноша согласно кивнул головой и ответил духу:

– Это-то я заметил, что она той же формы, что и перстень Богомудра. Но, батюшка, овинник ничего мне не рассказал о будущем и о вложенном в нее времени и труде.

– Ага, – сказал старичок. – Он такой.... Ничего из него не выудишь... ничего... хоть и брат мой младший. Да, и знаешь, тебе ведь не нужно знать своего будущего, надо жить только настоящим. Но я ведь пришел к тебе тоже не с пустыми руками. Я принес тебе заветный мешочек. – Домовой достал из-за пазухи малюсенький холщевый мешочек с человеческий ноготок, крепко перетянутый бечевкой, и передал его сыну правителя, со словами, – привяжи это мешочек на руку повыше кисти. И когда какой-нибудь нечистый дух, такой как езерика или болотная купалка, захочет забрать тебя с собой на дно, скажи мешочку: «Откройся именем Бога Велеса», и мешочек раскроется, зачерпни пригоршню сухой полынь травы да брось им в лицо. И они отпустят тебя... оставят живым и здоровым.

– О... – протянул Керк, принимая мешочек, и не менее восторженно обозревая новый дар. – Добрый доможил, нет слов, чтобы выразить мою благодарность и тебе, и дворовому, и овиннику. Чем мне вознаградить тебя за этот дар?

– Кхе-кхе, – захрипел довольный доброжил, и вновь закачал плечами и единожды головой, только в этот раз взад-вперед. – Ты меня уже вознаградил, никогда еще я не видел такого уважения ко мне, какое проявляешь ты. И главное, что это у тебя не напускное, а идет из души твоей светлой, этим то еще приятней. Я желаю тебе добыть древко и скорей вернуться домой. Да, и самое главное, помни, что среди лесных духов главенствует лесное божество Свято-Бор. Именно он и охраняет Старый Дуб. Будь очень почтителен, открой ему свое сердце и помыслы. И у тебя все получится. Удачи тебе! – и старичок так же, как и дворовой, и винный жихарь, до этого, мгновенно исчез с ложа, оставив после своего ухода лишь три голубоватые искорки, которые упав на теплое укрывало, мигом в нем схоронились.

Керк глянул в окно и увидел, что Бог Солнца Хорс уже выехал на белых конях в небо и начал свой дневной путь.

Дорога была дальняя. В поход отец взял, кроме наставников Храбра и Дубыни, еще троих воинов из дружины – Беяна, Богдана и Ратибора. А с Эрихом ехал его слуга Нук – пожилой мужчина со смуглой кожей, резкими чертами лица и черными глазами, с длинными до плеч седыми волосами и такими же длинными седыми усами. Керк видел слугу брата впервые и был потрясен его злобным внешним обликом. Тур показал в сторону Нука и сказал:

– Это и есть Нук, помнишь, про него Дубыня рассказывал.

Керк кивнул в знак согласия головой, а сам подумал: «И не мудрено, что Эрих вырос таким неприветливым. Если все время видеть перед собой столь злобное лицо слуги, то поневоле сделаешься жестоким. И как только отец разрешил Нуку быть слугой брата?»

Керк в поход не взял с собой своего Борща. Вместо него ехал Тур, он целых три дня уговаривал отца взять его вместо Борща, клятвенно обещая во всем быть верным старшему брату, но когда об этом отца попросил сам Керк, то правитель уступил просьбам сыновей. И теперь Тур красовался рядом со старшим братом на своем гнедом жеребце, такой гордый, выпавшей на его долю удачей. Весь путь с редкими ночными остановками, чтобы могли передохнуть и подкрепиться кони и люди, братья разговаривали. Керк так волновался и, чтобы хоть как-то снять напряжение, рассказывал Туру о преданиях про Богов, которые слышал с детства.

– Бог Сварог – владыка земли и правитель Небесного царства Богов Сварги. Он творец Неба, Земли и Подземного мира. Это неутомимый Бог Сварог напоил Землю водой, наполнил все океаны, моря, реки, родники. Он заселил Землю людьми, дал им первые законы. Бог Сварог полюбил прекрасную Богиню Любовь Ладу – мать богов и защитницу верующих – и взял ее себе в супруги.

Любимый сын Сварога – Бог битв и войны Перун Громовержец, именно он дает победу в кровавых сечах и следит за порядком на земле. Когда Перун родился, земля разрывалась и шаталась, разрушая горы, а на небосводе гремели громы и сверкали в тучах молнии. В руках у Бога небесная радуга – лук, а колчан набит стрелами. Метнет Бог Перун в гнев стрелы огненные, и видим мы во время грозы, молнии в землю ударяют. Значит, Бог Перун на кого-то сердится и кем-то недоволен. Надо ублажить рассерженного Бога принести в дар ему масло и мед. Тогда смирит Перун свой гнев и в знойную пору прольет на землю живительную воду. Супруга Бога Перуна – Богиня лета, молодости и плодородия Земли – Дива-Додола-Перунница. Дочь Бога ночного неба Дыя и богини луны Ливии. У Додолы в засушливое лето люди просят дождя, водят хороводы, поют песни, приносят в дар мед и масло.

Живет в Небесной Сварге и Бог Огня Светозарый Семаргл. Когда Семаргл родился явившись в огненном вихре, то словно Солнце, озарил нашу землю. Вначале веков вместе с отцом своим Сварогом и братом Перуном победил он злобного Чернобога и разделил Землю на царство Яви, где правит Сварог и Семаргл, да царство Нави, где правит Чернобог.

Могучая Богиня Мать-Сыра-Земля лежит под нашими ногами и дает жизнь всему, что на ней растет и живет: деревьям и травам, птицам и зверям и, конечно же людям. Восуры всегда любили, уважали и берегли свою землю, называя ее не только Богиней, но и матушкой кормилицей, потому что без нее не будет ничего сущего, не будет и самой земли.

– А скажи, – перебивал неугомонный Тур Керка. – А почему говорят, что духи имеют силу от Бога Велеса?

– Слышал я от своего дяди Веселина, – продолжал прерванный сказ Керк, и улыбался своему младшему брату, колыхающимся травам и деревьям стоящим повдоль дороги, мохнатым облакам плывущим по голубому небосводу и яркому солнечному светилу. – Что действительно духи, но только домашние, то есть те, которые живут вблизи с нами, переняли свою силу от могучего Бога Велеса. Бог Велес научил людей пахать и сеять, научил звездной мудрости и грамоте, и он так же является Богом богатства и скота, сторожит людское счастье. Сила у Бога Велеса великая, сам он похож на могучего медведя, и голова у него медвежья. Когда-то он стал соперником Бога Перуна на свадебном пире и его низвергли на Землю с Небесного свода. Упал Велес на Землю, и на мгновение выскочила из него вся его сила, а духи домашние эту силу поймали и к нему принесли, вот он с ними и поделился ею немного в благодарность.

И много еще чего поведал Керк Туру. И про страну Беловодье, которая раскинулась на Буян острове, омываемом Восточным холодным морем, в котором живут царь морской Черномор и светловолосые русалки. И про Небесную Сваргу, где пируют Великие и Славные Боги во главе со Сварогом. И про Богиню Макошь, что следит за соблюдением обычаев и обрядов и высоко в Небесном чертоге прядет нити людских судеб. И про Алатырь–камень – священную скалу в Рипейских горах, из-под которого текут воды живые и мертвые, каковые дают силу могучую.

– Ну, что такое Алатырь–камень я знаю, – перебил Тур брата. – А ты мне лучше расскажи, что такое Синь–камень.

– Синь–камень – это младший брат Алатырь–камня, – рассказывал Керк. – По преданию, младший брат Алатырь–камня – Синь–камень упал с неба, а на нем были написаны все законы Сварога и все заговоры от болезней и бед людских. Поэтому ведуны его и охраняют, чтобы не попали в злые руки обереги, присухи и заговоры...

Так неприметно за беседами, сказами и пролетела дорога...

Процессия съехала с небольшого пригорка, и все увидели легенду легенд – Сумрачный лес.

Дорога, по которой ехали правитель, его сыновья и дружинники, уходила вправо, огибая Сумрачный лес, а они напрямки через, раскинувшийся выгоревший под жарким летним солнцем, луг поехали к лесу, который со стороны казался самым обычным. Стан обустроили на лугу, потому как около леса было опасно останавливаться. Путники спешили, развели костер и устроили привал. Было решено переночевать всем здесь, а утром Керк и Эрих отправятся в лес, остальные же будут ждать их возвращения к седьмому дню.

В этот вечер Керку долго не удавалось уснуть, Тур было попытался его разговорить, но, увидев волнение на лице брата, оставил свои попытки и, пожелав доброй ночи, пошел спать. Керк лежал на спине возле костра и смотрел, как искорки от него улетают высоко в небо, как переменчиво мигают небесные светила, и думал о своих братьях Семе и Леле, о дяде Веселине и тете Ждане, о маленькой сестренке Желе. И так тоскливо было у него на душе, так хотелось увидеть их, обнять и уйти с братьями на лодке в море, чтобы крепкая волна ударяла в корму лодки, чтобы руки болели от сетей, чтобы под ногами билась живая рыба. От воспоминаний на глаза юноши навернулись слезы, и потому как его никто не видел, он разрешил им стекать по лицу. Слезы сняли напряжение, оное все это время владело им, и немного успокоили его, Керк повернулся на бок и сладко уснул так, как спится только в юности.

Глава девятая

Утром Керк проснулся одним из первых, оно как маленько озяб, он быстро поднялся на ноги и потянулся, стряхивая с себя дремоту. Все еще спали, воин Ратибор, дежуривший всю ночь у костра, поднял голову и, улыбаясь, кивнул юноше.

А Керк меж тем принялся собирать заплечный мешок, аккуратно сложил плащ и положил его на дно, сверху пристроил запасную рубаху, а поверх нее скатерть-самобранку – подарок дворового. Отец разрешил взять кремь для разжигания огня, но так как Керк знал присуху, то решил его не брать. На левую руку, как и учил доброжил, он крепко привязал волшебный мешочек, на груди проверил лутовку, переделся в чистую шелковую рубаху. Подпоясался широким, кожаным поясом, на который повесил ножны с кинжалом и ножны для меча, поверх рубахи натянул короткий, но теплый, темно-зеленый кафтан, потому что уже было прохладно. Отряхнул штаны и надел сапоги, до колен с высокими железными подборами с множеством серебряных гвоздей по всей подошве.

А когда наконец-то закончил сборы, то заметил, что и другие стали пробуждаться. Первым поднялся отец, за ним Дубыня, Храбр и остальные воины. Затем слуга Нук разбудил Эриха. Последним проснулся Тур и первым делом глянул на готового к походу старшего брата. Подошел Дубыня и осмотрел, переминавшегося с ноги на ногу, Керка, потянул его за пояс и остался довольным проделанной работой. Правитель посмотрел на старшего сына и, засмеялся, подзывая его к себе:

– Керк, ты, я гляжу, уже готов. Но погоди... погоди сын... Еще надобно перекусить.... Прежде чем в путь отправляться... Поди ко мне.

Керк, все больше и больше волнуясь, суматошно подошел к отцу и сказал:

– Не-а, я есть, не буду, в рот ничего не полезет. Может, мы уже приступим.

– Все в свое время, сын. А поесть надо, ведь неизвестно, когда тебе удастся нормально потрапезничать, – заметил отец, все еще пряча в устах усмешку.

Керк, помнящий наказ дворового, никому не говорить о скатерти-самобранке, в знак согласия кивнул головой, и молвил:

– Как скажешь, отец.

Воины стали готовить еду, но старший сын правителя, несмотря на приготовленное так и не и не прикоснулся к еде. Эрих же в отличие от брата ел все с удовольствием и жадностью отчего глазющему на него, Керку даже стало неудобно за свою тайну и за то, что его так одарили духи.

После завтрака отец отозвал старшего сына в сторону и показал ему небольшой осколок темно-синего камня, он повесил его на шею юноше со словами:

– Это оберег. Я нарочно ездил на Синь–камень, чтобы его тебе привезти. Ведун Велей заговорил его, чтобы тебя не коснулись черные помыслы твоего брата. А я наложил на него сильнейший родительский заговор от черных поступков твоего брата. Десять дней этот оберег будет защищать тебя от Эриха. На одиннадцатый день он потеряет силу, – правитель замолчал, и протяжно выдохнув. – Помни, ты должен вернуться на седьмой день, иначе ты провалишь испытание. Я надеюсь, у тебя все получится, – и он крепко обнял сына.

Выпустив Керка из объятий, отец пошел к Храбру и Дубыни и что-то сказал им. И тогда же Храбр обращаясь к братьям, крикнул своим низким, бархатистым голосом:

– Керк, Эрих, подойдите сюда! – Братья услышав наставника, поспешно приблизились, а он меж тем продолжал, – ваш отец дает вам право воспользоваться жребием и выбрать мечи. – Храбр присел на корточки перед, завернутыми в ткань, мечами, покоящимися на земле, уважительно и аккуратно раскрыл их и торжественно сказал, – Керк и Эрих, это два знаменитых меча. Один из них, что лежит справа, принадлежал вашему деду Лучезару, по реклу Благородный, а другой, что лежит слева, когда-то принадлежал великому ДажьБогу – прародителю восурского народа, сыну Бога Перуна, повелителю Белого Света. Долгие века этот меч хранил в себе сам Синь–камень, но недавно, когда ваш отец был там, он выпал к его ногам, верно для того, чтобы один из вас воспользовался им во время испытания в Сумрачном лесу. У меня в руке две тростинки – одна короткая, другая длинная, – наставник раскрыл ладонь и показал две тонкие, выструганные деревянные палочки. – Длинная – меч ДажьБога, короткая – меч Лучезара, выбирать будет Керк...

Однако, Эрих торопливо перебил Храбра и сказал, нагло да злобно глядя в лицо старшего брата:

– Почему это должен выбирать Керк?

– Потому, что он старший, – разумно заметил отец и лицо его слегка подернулось, словно на него набежала тень.

– Это не справедливо... не справедливо! – все, более раздражаясь и злясь так, что от обиды судорожно затряслись его руки, выкрикнул Эрих.

Керк посмотрел в лицо брата, покрывшееся красными пятнами и ставшее совсем безобразным, и, помня о Дарах, которые ему достались, миролюбиво сказал:

– Пусть выберет Эрих, я не против.

Храбр глянул на отца–правителя, а тот, нахмутив лоб, согласно кивнул головой.

Тогда наставник завел руку назад и через секунду вновь показал ее, в ней торчали две тростинки. Эрих мгновение молчал, взирая на тростинки, а после протянул руку и вытащил... короткую. Храбр открыл руку и показал длинную тростинку. Теперь Эрих побледнел, как полотно, наклонился и поднял, лежащий справа, меч правителя Лучезара, и, что-то шепча про себя, отошел к своему слуге. Лишь только недовольный брат ушел, Керк опустился на одно колено, взял за рукоять меч и поцеловав его в клинок. Юноша медленно поднялся на ноги, при этом ласково поглаживая меч, и разглядывая его небывалую красоту. Рукоять меча была

сотворена из «красна золота» и украшена драгоценными камнями: изумрудами и сапфирами. А сам клинок был обоюдоострым, заточенным с двух сторон и светился необычным желтоватым светом. На самом клинке посередине его большими буквами было начертано имя Дажь-Бога. Керк поднял глаза на отца и наставников и, увидев их одобрительные взгляды, вложил меч в ножны.

– Керк и Эрих! – слово взял отец, и громко сказал. – Теперь вы можете отправляться в Сумрачный лес. Тропа, что ведет отсюда в лес, в скором времени разобьется на две, выберете каждый свою и следуйте своей судьбе. Помните, что вы должны вернуться к концу седьмого дня с древком для лука. И помните... вы должны быть храбрыми и смелыми. Да, прибудет с вами наш великий ДажьБог, сыны мои! Идите! – и он властно махнул рукой в сторону Сумрачного леса.

Первым в путь двинулся Эрих, потому как Тур в самый последний миг прибежал обнять старшего сына правителя и шепнул ему на ухо:

– Керк, счастливо тебе! И знай, у твоего меча есть имя – это знаменитый Меч Кладенец. Я подслушал разговор отца с Храбром. Это великий меч, и я очень рад, что он достался тебе! Я жду тебя! – Тур еще крепче прижался к старшему брату и поцеловал его в щеку.

– Я скоро вернусь, Тур! – ответил Керк, выпустив брата из объятий.

На прощание он посмотрел на отца, наставников Храбра и Дубыню и других воинов, наклонил голову в знак уважения, и, развернувшись, пошел следом за Эрихом, а вслед услышал напутственные слова наставников:

– Будь смелым и сильным, Керк! Удачи тебе!

Юноша оглянулся уже почти около самого леса, глянул на отца и Тура да приветливо помахал им рукой.

Впереди него петляла едва заметная тропка, это даже была не тропка, а какая-то узкая полосочка, по ней шел Эрих. Керк видел его спину перед собой и думал, что брат наверно расстроен, ведь такой прекрасный меч... меч самого прародителя восурского народа ДажьБога ему не достался, и почему-то ему стало и самому обидно за Эриха, так обидно, что он даже горестно вздохнул. Пройдя совсем немного, Керк увидел, как брат резко взял влево. Подойдя поближе сын правителя заметил, что в этом месте тропа делилась на две: на правую и левую. И так как Эрих выбрал левую, Керк тронулся вправо, но, в последний раз взглянув на удаляющегося брата, он вдруг окликнул его:

– Эрих! Брат! – тот не остановился, лишь мотнул плечом, вроде отгоняя назойливую муху, а Керк прокричал вслед ему. – Брат! Счастливого пути! Желаю тебе добыть древко!

Но, так и не дождавшись ответа от брата, пошел своим путем.

В начале пути лес казался самым обыкновенным. Здесь росло много различных деревьев: дуб, ясень, бук, липа, клен. С деревьев уже большей частью опали листья, а где не опали, держались желто-зеленые, желто-красные и багряные. Под ногами шуршала листва, еле слышно трещали опавшие веточки. Керк шел и думал о Туре и его последних словах про меч. И если младший брат прав, то в руках у него не просто Божественный меч, а меч – загадка и легенда. Люди говорят, что это меч сам выбирает хозяина и долгие годы, верно, служит ему, а когда хозяин умирает, то меч исчезает и невозможно, понять, куда он пропал и где находится. Поэтому и имя у него такое – Кладенец. И очень странно, что при приезде отца меч выпал из Синь-камня, вот значит где он хоронился долгие века... и интересно почему выпал, неужели, потому что выбрал для себя нового хозяина, его – Керка.

Тропка, по которой юноша шел, все время петляла, она то резко поворачивала вправо, то также стремительно изгибалась влево. И тогда сын правителя решил воспользоваться кинжалом, он достал его из ножен и, как учил отец, воткнув позади сапог, в покрытую листвою тропку, произнес заговор: «О, ты, великий кинжал ведуна Богомудра, отрежь все непря-

мые пути, все долгие пути, направь тропу именем Богини Мать Сыра Земля вглубь леса, внутрь леса, к самому почетному Старому Дубу. И слово мое крепко! И слово мое сильно!» И неожиданно тропа вздрогнула, будто извивающаяся змейка, да резво взяла вправо и стала вроде как виднее, Керку даже показалось, что кто-то подмел ее, смахнув с земли нападавшую и побуревшую листву, значит, заговор уже действовал. Оглянувшись, он вырвал из тропы кинжал и поразился... прямо за его сапогами лежала еле заметная, вся в опавшей листве, тропинка. Да, несомненно, заговор получился, и обрадованный юноша прибавил шаг. Он шел быстро и легко так, как ходится только в отрочестве, не обремененной житейскими невзгодами и трудами.

Солнце уже высоко поднялось, когда сын правителя понял одну неприятную вещь. Тропинка после заговора совершенно «не выбирала» дороги, и хотя видно ее было хорошо, но она шла напрямки, и не огибала лужицы и родники, бьющие из-под земли, овраги и валежники, буреломы и болота.

Постепенно лес менялся, стали чаще появляться хвойные деревья, а также береза, ольха, осина и рябина. Кое-где встречались непроходимые буреломы, но попадались и чистые ельники. Керк большей частью шел по светлому бору, он знал, что эта часть леса находится под началом страшили борового, оный весьма не любит не прошенных гостей и может задрать и зверя, и человека.

Вдруг позади себя он услышал страшный шум, и тотчас сердце прыгнуло в груди. Но Керк немедля взял себя в руки и порывисто повернулся. Не зря говорят: «Помяни нечистого, и он тут как тут». Позади сына правителя высилось гигантское чудовище, чем-то смахивающее на медведя. Это и был боровой. Мощная лохматая медвежья голова и такое же громадное тело, однако, вместо шерсти по телу духа росли хвойные иголки, вместо когтей – сучья деревьев, черные здоровущие глаза, перекошенный черный рот, показал два ряда острых звериных зубов. Керк на мгновение остолбенел, а потом резко повернулся и кинулся бежать, не разбирая дороги, вслед за ним двинулся и страшила боровой. И если сын правителя бежал легко и быстро, на ходу ломая лишь тонкие ветви, то боровой двигался с таким шумом и грохотом, что казалось, крушил, валил и опрокидывал по пути тонкие деревья и толстые ветки. Вскоре юноша увидел впереди небольшой овраг и решил его перепрыгнуть. Он не снижая быстроты бега приблизился к его краю и оттолкнувшись полетел вперед. Однако уже миновав широкую впадину Керк неожиданно подскользнулся на другом, покатою его конце и кубарем слетел на дно оврага. Не долго думая, он вскочил на ноги и, вытащив меч из ножен, развернулся к боровому. Дух стоял на краю оврага и, посмеиваясь, смотрел на сына правителя, он внезапно широко раскрыл свою пасть и громко зарычал, огласив тем трубным звуком кажется весь лес, а Керк увидев столь злобное выражение морды, благоразумно отступил назад. Боровой шибутно спрыгнул в овраг, и, продолжая рычать, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.